Ильбасов

Новые русские материалы по истории семилетней войны

О 30/222

2007231845

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
Ф.31-11853

Новые русскіе матеріалы по исторіи Семилѣтней войны.

Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Соч. *Д. Масловскаго.* Вып. I. С.-Пб. 1886.

Четыре года назадъ, профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба Н. Н. Сухотинъ, перечисляя въ своемъ почтенномъ трудѣ „Фридрихъ Великій" источники по исторіи военнаго искусства въ ту эпоху, рядомъ съ многотомными изслѣдованіями и многочисленными монографіями на иностранныхъ языкахъ могъ назвать только одинъ русскій трудъ: „Всеобщую военную исторію" князя Голицына. Эта бѣдность русской военно-исторической литературы, не менѣе, быть можетъ, чѣмъ преподаваніе въ русской академіи генеральнаго штаба, заставила уважаемаго профессора обратить въ своемъ трудѣ о Фридрихѣ Великомъ, какъ полководцѣ, особенное вниманіе на эпизоды Семилѣтней войны, которой онъ посвящаетъ большую часть своей книги.

Не богаче и русская политико-историческая литература по вопросу о Семилѣтней войнѣ. Въ то время, какъ въ нѣмецкой литературѣ появились труды Шуленбурга, Прейсса, Штура, Гушбера, Оллеха, Газенкампфа, Фицтума-фонъ-Экштедта, Ранке, Брикнера [1]), Арнета, Шефера, Онкена, Вагнера, Германа, Корфа, и во французской—Дюкло, Брольи, Берни, Дареста, Вандаля и др., русская литература не представила еще ни одного самостоятельнаго изслѣдованія по политической исторіи первой общеевропейской войны, въ которой Россія играла выдающуюся роль. Небольшой этюдъ Пекарскаго „Походъ русскихъ въ Пруссію" ограничивается только 1757 годомъ; намѣреніе обна-

[1]) *Brückner.* Russische Actenstücke zur Geschichte des Jahres 1756, помѣщ. въ *Baltische Monatschrift* за 1872 г. Эта монографія должна быть отнесена къ числу произведеній нѣмецкой литературы.

родовать „Исторію семилѣтней войны“, высказанное болѣе 20 лѣтъ назадъ М. И. Семевскимъ въ его статьяхъ „Противники Фридриха Великаго“, помѣщенныхъ въ Военномъ Сборникѣ, осталось не выполненнымъ; покойный С. М. Соловьевъ, первый и по настоящее время единственный историкъ, представившій въ связномъ разказѣ всю политическую исторію Семилѣтней войны, какъ важнаго эпизода изъ „Исторіи Россіи въ царствованіе Елизаветы Петровны“, подчинился извѣстному вліянію установившихся уже взглядовъ на этотъ эпизодъ; наибольшею самостоятельностью въ этомъ отношеніи отличается чрезвычайно добросовѣстный трудъ Е. М. Ѳеоктистова: „Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны“.

Такая бѣдность русской исторической литературы по вопросу столь важному, въ теченіе семи лѣтъ направлявшему всю государственную дѣятельность Россіи, не можетъ быть объяснена недостаткомъ матеріала. Не говоря уже объ изданіи бумагъ дрезденскаго, вѣнскаго и берлинскаго государственныхъ архивовъ, въ послѣднее время обнародованъ рядъ цѣнныхъ русскихъ матеріаловъ. Профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ издалъ въ „Собраніи трактатовъ и конвенцій“ рядъ офиціальныхъ документовъ первостепеннаго значенія; въ „Архивѣ князя Воронцова“ помѣщены бумаги елизаветинской конференціи, переписка о конвенціи съ Англіей и цѣлый рядъ писемъ и документовъ, касающихся Семилѣтней войны; въ Сборникѣ русскаго историческаго общества напечатана переписка гр. С. Ѳ. Апраксина и другихъ дѣятелей войны; изданы „Записки Андрея Тимофеевича Болотова“, участника апраксинскаго похода въ Пруссію; въ Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, въ Русскомъ Архивѣ и въ Русской Старинѣ разсѣяно много болѣе мелкихъ, но не менѣе цѣнныхъ извѣстій.

Всѣ эти матеріалы касаются преимущественно политической стороны вопроса; сторона спеціально военная затрогивается въ нихъ лишь случайно. До послѣдняго времени, вопросы чисто военные не были разработаны, и это составляло весьма существенный пробѣлъ, значительно затруднявшій разрѣшеніе и вопросовъ чисто политическихъ. Этотъ важный пробѣлъ въ русской исторической литературѣ пополненъ на дняхъ изслѣдованіемъ полковника генеральнаго штаба Масловскаго: „Русская армія въ семилѣтнюю войну“. Въ нынѣшнемъ году вышелъ только первый выпускъ — „Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію“, но выпускъ весьма почтенный, составляющій обширный томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ болѣе 50

плановъ, схемъ, таблицъ и картъ. Предпославъ своему изслѣдованію „очеркъ состоянія военнаго искусства въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія", авторъ возсоздаетъ, по подлиннымъ документамъ военно-ученаго архива главнаго штаба, московскаго его отдѣленія и главнаго архива иностранныхъ дѣлъ, возможно полную картину формированія экспедиціоннаго корпуса и слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, подробно описывая сосредоточеніе русскихъ войскъ къ Нѣману, операціи противъ Мемеля, наступленіе къ Кенигсбергу, сраженіе подъ Гросъ-Эгердорфомъ, наступленіе къ Алленбургу и отступленіе русскихъ войскъ за Нѣманъ. Это — вполнѣ спеціальное изслѣдованіе и, не смотря на то или, точнѣе, именно вслѣдствіе того, оно проводитъ новые взгляды на многіе политическіе вопросы, освѣщая ихъ новымъ свѣтомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ характеру и свойствамъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Это объясняется особенностью самой войны, не только возникшей, но и въ теченіе семи лѣтъ постоянно испытывавшей сильное политическое давленіе, при чемъ взаимное воздѣйствіе вопросовъ политики и фактовъ войны до того переплетается, что отдѣльное изслѣдованіе политическихъ или военныхъ вопросовъ становится затруднительнымъ до полной невозможности. Военачальнику не была указана реальная цѣль, достиженіе которой имѣлось бы въ виду; какъ общій планъ, такъ и частныя операціи войны, опредѣлялись конференціей, засѣдавшею въ Петербургѣ; всѣ военныя движенія были связаны политическими вліяніями, не имѣвшими ничего общаго съ ходомъ военныхъ дѣйствій и нерѣдко противорѣчившими основнымъ условіямъ военнаго дѣла. Политика всегда входитъ, какъ существенный элементъ, въ военное дѣло: она ставитъ ближайшія, достижимыя военными средствами, задачи и опредѣляетъ конечныя цѣли, сообразно ходу военныхъ операцій, вліяющихъ, съ своей стороны, на политическія перспективы; но никогда политика не можетъ, безъ значительнаго ущерба для общей цѣли, играть выдающуюся роль на театрѣ войны, тѣмъ менѣе на полѣ битвы. Между тѣмъ, въ Семилѣтнюю войну замѣчается такое именно чрезмѣрное вліяніе различныхъ политическихъ теченій, до крайности стѣснявшихъ главнокомандующаго и парализовавшихъ успѣхи военныхъ дѣйствій. Источникъ этого крайне печальнаго положенія дѣла заключался въ крутомъ и, по словамъ Фридриха II, „неожиданномъ" поворотѣ въ системѣ союзовъ, измѣнившихъ „весь видъ бывшихъ до нынѣ генеральныхъ европейскихъ дѣлъ состоянія".

Рядъ этихъ „неожиданностей" открылъ самъ же Фридрихъ II: 16-го

января 1756 года, союзная Франціи и враждебная Россіи Пруссія заключила союзъ съ Англіей, союзницею Россіи и врагомъ Франціи (Вестминстерскій договоръ); 1-го мая того же года, дружественная Пруссіи и враждебная Австріи Франція подписала Версальскій договоръ съ Австріей, перешедшій вскорѣ въ союзъ исключительно противъ Пруссіи; 31-го декабря 1756 года Россія заключаетъ союзъ съ Франціей, враждовавшею противъ нея и въ Турціи, и въ Польшѣ, и въ Швеціи. Эти перемѣны оказались „si subits et inattendus“, что, въ первое время, все перепуталось, и умы современниковъ не мирились съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Положеніе же было на столько ново, что сами союзники не довѣряли другъ другу. Когда начались военныя дѣйствія, и французскія войска имѣли уже стычки съ прусскими, герцогъ Ришелье велъ съ Фридрихомъ II дружественную переписку, а во Франціи не ослабло опасеніе, что „Австрія, одержавъ верхъ надъ Пруссіей, возстановитъ дружественныя сношенія съ морскими державами и, быть можетъ, будетъ дѣйствовать за одно съ ними противъ Франціи“; принцъ Конти, говоря съ Бехтѣевымъ, русскимъ представителемъ при Версальскомъ дворѣ, о союзническихъ дворахъ, „довольно ясно отозвался, что трактатъ съ вѣнскимъ дворомъ ему не нравится и что оный пріятенъ только г. Рулье, который думаетъ, что великое дѣло сдѣлалъ“. Австрія, для которой союзъ съ Россіей представлялся существенно важнымъ, негодовала, что „русскій дворъ слишкомъ горячо принимается за дѣло“, и видѣла въ присоединеніи Восточной Пруссіи къ Россіи „ein grosses Unglück und politisches Uebel“; Франція, только что предъ войною возстановившая дипломатическія сношенія съ Россіею, продолжаетъ относиться враждебно къ своей новой союзницѣ: „Союзъ нашъ съ Россіею“, писалъ герцогъ Шуазель французскому послу при петербургскомъ дворѣ, — „чисто случайный и вызванъ случайными обстоятельствами; намъ вовсе не слѣдуетъ стараться объ укрѣпленіи его, такъ какъ Турція, Польша, Швеція и Данія, старинные наши союзники, суть естественные враги этой державы. Благоразуміе требуетъ оставаться теперь въ союзѣ съ Россіею, но не имѣть его въ виду для будущаго времени“; французскій посланникъ въ Варшавѣ, графъ Брольи, имѣлъ предписаніе „противодѣйствовать Россіи“, и даже позже, французскому послу въ Петербургѣ, Бретэлю, поручали играть роль „un avocat de la Pologne à Pétersbourg“; въ Версали были крайне опечалены, услышавъ о побѣдѣ русскихъ при Куннерсдорфѣ, и Людовикъ XV поручилъ своему представителю при русскомъ дворѣ „пре-

пятствовать, если окажется возможнымъ, военнымъ успѣхамъ русской арміи". Фридрихъ II, противъ котораго собственно и были заключены всѣ эти новые союзы, не былъ, слѣдовательно, особенно оригиналенъ, заявляя въ своей „Apologie de ma conduite politique", что „обязанность соблюдать союзные трактаты подлежитъ еще сомнѣнію".

Императрица Марія Терезія была „больна Силезіей", и для возвращенія этой провинціи отъ Пруссіи готова была на всевозможныя жертвы. Пренебрегая династическими традиціями, она снизошла до лести госпожѣ Помпадуръ и изъ ея рукъ приняла союзный трактатъ съ Франціей; она вошла въ близкія сношенія съ Елизаветою Петровною единственно ради ненависти „Русской самодержицы" къ Прусскому королю, и, такимъ образомъ, составила грозную коалицію противъ „изверга" Фридриха II. Начавшаяся въ 1756 году „une guerre de trois femmes" длилась семь лѣтъ, но Силезіи не возвратила австрійскому дому, о чемъ мечтала Марія Терезія, и не представила „наиполезнѣйшій случай сократить короля Прусскаго", на что̀ надѣялся Бехтѣевъ. Внѣшнія событія какъ Семилѣтней войны, такъ и самаго ея начала, хорошо извѣстны, и намъ нѣтъ надобности передавать подробности „похода Апраксина въ Восточную Пруссію"; остановимся только на тѣхъ новыхъ, впервые г. Масловскимъ обслѣдованныхъ, фактахъ изъ военной исторіи, которые даютъ совершенно иное освѣщеніе нѣкоторымъ событіямъ того времени и заставляютъ измѣнить общепринятые взгляды и искать иныхъ объясненій для многихъ политическихъ явленій за первый годъ участія Россіи въ Семилѣтней войнѣ.

Отмѣтимъ прежде всего, что полковникъ Масловскій возстановляетъ безосновательно поруганную честь русской арміи прошлаго вѣка. Благодаря труду г. Масловскаго, необходимо отказаться, и самымъ рѣшительнымъ образомъ, отъ общепринятаго понынѣ мнѣнія о негодности нашей арміи временъ Елизаветы Петровны. Читая въ письмахъ Фридриха II, что „русскихъ нечего опасаться, такъ какъ у нихъ мало хорошихъ генераловъ, и войска ихъ никуда негодны" [1]); встрѣчая въ депешахъ австрійскаго посла графа Эстергази, что „на русскую армію нельзя полагаться, тѣмъ болѣе, что ею командуютъ генералы неискусные въ военномъ дѣлѣ", или англійскаго Уйльямса, что „во

---

[1]) Les russes ont fort peu de bons généraux et leurs troupes ne valent rien. Polit. Corresp., V, 64.

всемъ русскомъ войскѣ нѣтъ и десяти хорошихъ офицеровъ [1]), и видя подтвержденіе этихъ взглядовъ въ спеціально военныхъ трудахъ русскихъ людей, печатно заявлявшихъ, что „военныя дѣйствія, какъ извѣстно, велись въ теченіи почти всей семилѣтней войны съ изумительнымъ безпорядкомъ при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ здравыхъ понятій о военномъ дѣлѣ“, всѣ невольно относились съ довѣріемъ къ общему выводу о русскомъ войскѣ, сдѣланному Соловьевымъ въ его „Исторіи Россіи“: „Всѣ четыре главнокомандующіе— Апраксинъ, Ферморъ, Салтыковъ и Бутурлинъ — отличались однимъ характеромъ и одинакимъ способомъ дѣйствій. Всѣ четверо достигли важныхъ военныхъ чиновъ по линіи, всѣ четверо не имѣли способности главнокомандующаго; они шли медленно на помочахъ конференціи, двигались въ указанномъ направленіи; встрѣтятъ непріятеля, выдержатъ его натискъ, отобьются, а иногда, послѣ сраженія, увидятъ, что одержали великую побѣду, въ пухъ разбили врага; но это нисколько не измѣнитъ ихъ взгляда на свои обязанности, нисколько не измѣнитъ ихъ способа дѣйствій, не дастъ имъ способности къ почину: они не сдѣлаютъ ни шагу, чтобъ воспользоваться побѣдою, окончательно добить непріятеля—по прежнему ждутъ указа съ подробнымъ планомъ дѣйствій... Тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній. Война велась первобытнымъ способомъ: войско входило въ непріятельскую землю, дралось съ встрѣтившимся непріятелемъ и осенью уходило назадъ“ [2]). Эту характеристику русской арміи и ея полководцевъ всѣ позднѣйшіе писатели—Глиноецкій, Ѳеоктистовъ, Богдановичъ, Петрушевскій и другіе — находили „какъ нельзя болѣе вѣрною“ и утверждали, что „со смертью Петра Великаго русская армія, забывъ уроки вѣнценоснаго учителя, возвратилась къ преданьямъ старины и строилась на манеръ побѣждаемыхъ турокъ; прежняя строгая, даже суровая дисциплина уступила мѣсто азіатской необузданности; русскія войска были грозою мирныхъ жителей, грабили, опустошали Пруссію, и побѣды надъ Фридрихомъ II одержаны какъ бы невзначай“.

„Для того“, говоритъ г. Масловскій,— „чтобы нѣсколько пошатнуть неправильно сложившійся взглядъ на дѣйствія русскихъ въ войну

---

[1]) Die Russen haben nicht zehn gute Officiere in ihrem ganzen Heere. *Raumer.* Beiträge zur neueren Geschichte, II. 400.

[2]) XXIV, 414. Это перефразировано на дняхъ *Петрушевскимъ*, Генералиссимусъ князь Суворовъ, I, 23.

1756—1763 годовъ, мы считаемъ необходимымъ не только воспроизвести, по мѣрѣ силъ, факты по архивнымъ даннымъ, но и кромѣ того, представить доводы, на основаніи которыхъ печатные труды, гдѣ разсматривается участіе русской арміи въ Семилѣтней войнѣ, не могутъ служить не только источниками для изученія операцій русскихъ войскъ, но даже пособіемъ для ознакомленія съ нашею арміей того времени".

Авторъ горячо вступается за дисциплину русской арміи того времени, которую „и свои, и чужіе" привыкли обзывать „варварскою толпою". Подробными ссылками на архивные матеріалы онъ доказываетъ, что 1) во время слѣдованія отдѣльныхъ отрядовъ Литвою и при квартированіи войска въ Пруссіи постоянно требовались квитанціи отъ мѣстныхъ властей о благополучномъ квартированіи; слѣдовательно, контроль былъ подобный принятому и въ настоящее время; 2) при набѣгахъ даже мелкихъ партій всегда привозили къ отрядному начальнику старшихъ мѣстныхъ властей, которымъ, между прочимъ, постоянно былъ предлагаемъ особый вопросъ: „не чинили ли обидъ обывателямъ?"—показанія этихъ бургомистровъ, пасторовъ и и т. п. сохранились въ дѣлахъ военно-ученаго архива, и изъ этихъ показаній можно видѣть, что никакихъ обидъ жителямъ не было; 3) при выступленіи небольшихъ отрядовъ съ квартиръ оставлялись залоги; 4) при малѣйшемъ увлеченіи какой-либо части легкихъ войскъ она тотчасъ оттягивалась къ арміи, и на ея мѣсто назначалась другая; 5) еслибы упадокъ дисциплины былъ въ томъ размѣрѣ, какъ „общеизвѣстно", то могла ли армія оперировать болѣе тысячи верстъ, менѣе чѣмъ въ годъ, въ полномъ порядкѣ? Примѣръ, до чего можетъ довести упадокъ дисциплины, очевиденъ при отступленіи, хотя бы арміи Наполеона въ 1812 году—ничего подобнаго не случилось съ русскою арміей, даже и въ апраксинскій походъ; 6) императрица Елизавета, награждая казаковъ за дѣйствія подъ Кюстриномъ, прямо указываетъ въ своемъ рескриптѣ, что они „прежнія свои дѣла загладили"; 7) если сравнить дѣйствія нашихъ войскъ съ войсками Фридриха Великаго, то какъ въ отношеніи дезертирства, такъ и разгрома занятой ими Саксоніи, значительный перевѣсъ будетъ на сторонѣ прусскихъ войскъ.

Вторымъ, не менѣе новымъ фактомъ, разъясненнымъ г. Масловскимъ, служитъ обѣленіе Апраксина, какъ главнокомандующаго. Современники почти единогласно рисовали портретъ перваго изъ русскихъ главнокомандующихъ въ Семилѣтней войнѣ довольно печаль-

ными красками; мы приняли ихъ отзывъ на вѣру и продолжаемъ представлять С. Ѳ. Апраксина дурнымъ человѣкомъ и никуда негоднымъ главнокомандующимъ. Полковникъ Масловскій, шагъ за шагомъ слѣдя дѣятельность фельдмаршала Апраксина и въ военныхъ совѣтахъ, и на полѣ битвы, убѣдительно доказываетъ, что давно уже установившееся объ Апраксинѣ мнѣніе не выдерживаетъ критики и должно быть оставлено, какъ невѣрное.

Въ сентябрѣ 1756 г. Апраксинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, и въ сентябрѣ же англійскій посланникъ Уильямсъ доносилъ въ своихъ депешахъ: „Апраксинъ—лѣнивѣйшій изъ смертныхъ и жалкій трусишка (rank coward). Его оскорбилъ казацкій гетманъ и почти прибилъ (almost kick'd), а онъ и глазомъ не моргнулъ. Онъ толстый, лѣнивый, распутный человѣкъ и лишенъ всякой храбрости. Онъ никогда не видѣлъ непріятельскаго войска и никогда не былъ въ военной службѣ, кромѣ турецкихъ походовъ Миниха. Я знаю, что онъ тяготится своимъ главнокомандованіемъ, и здѣсь уже убѣждаются, что гораздо легче говорить о передвиженіяхъ большой арміи, чѣмъ дѣйствительно двигать войсками“ [1]). Упоминаемый Уильямсомъ „казацкій гетманъ“, графъ К. Г. Разумовскій, писалъ въ письмѣ къ вице-канцлеру М. Л. Воронцову, отъ 22-го ноября 1757 г., слѣдовательно, уже послѣ Гроссъ-Эгердорфской побѣды и отступленія русской арміи: „Я никогда не думалъ, чтобъ въ фельдмаршалѣ Апраксинѣ столь мало искуснаго командира найдти. Видя къ сторонѣ россійской арміи столь великіе казавшіеся авантажи, не возможно уклониться, чтобъ не почувствовать досады противу того, кто причиною, буде то правда, нашему теперешнему безславію. Могу сказать, что когда тщеславіе соединится съ невѣжествомъ, то вящшей опасности ожидать надобно, нежели отъ одного невѣжества. Ежели бы тогда моего мнѣнія спросили, когда командиръ учреждался, я бы всегда могъ по привычкѣ чистосердечно и безпристрастно сказать, что человѣкъ безъ практики и столь тяжелаго тѣла, а притомъ ни въ какихъ военныхъ обращеніяхъ съ европейцами не бывавшій, кромѣ нѣкоторой турецкой команды, гдѣ одною бригадою командовать ему дозволено было, по благосклонности главнаго командира, едва ли годится командиромъ быть главнымъ въ великомъ караулѣ и давно въ полѣ небываломъ, противъ столь исправнаго войска, которое довольно я самъ видѣлъ, какое оно въ Пруссіи“ [2]). Съ тѣхъ поръ стало

---

[1]) *Raumer*, II, 400; Pol. Corr. XVI, 546, 54.

[2]) Архивъ князя Воронцова, IV, 390; VI, 327.

общимъ мнѣніемъ, всѣми повторяемымъ, что Апраксинъ—„жалкая бездарность", „тщеславный невѣжда", человѣкъ, о которомъ „дошли до насъ дурные отзывы и отъ чужихъ, и отъ своихъ" [1]). Тщательно разсмотрѣвъ всѣ распоряженія фельдмаршала Апраксина и представивъ имъ спеціальную оцѣнку съ точки зрѣнія военнаго искусства, полковникъ Масловскій изображетъ намъ Апраксина въ совершенно иномъ свѣтѣ. При сосредоточеніи русскихъ войскъ къ Нѣману, Апраксинъ избралъ „вполнѣ соотвѣтственный образъ дѣйствій" (стр. 201); инструкція Апраксина для операцій противъ Мемеля „не оставляетъ желать ничего лучшаго" (стр. 206); выборъ Апраксинымъ операціонной линіи—Бальвержишки-Вержболово-Инстербургъ—оказывается „вполнѣ правильнымъ" (стр. 223); при первой возможности наступленія въ предѣлы Пруссіи, Апраксинымъ „въ тотъ же день были отданы соотвѣтственныя приказанія" (стр. 229) и т. д. Словомъ, подробно разработывая чисто военную сторону операцій Апраксина, зорко слѣдя за каждымъ его распоряженіемъ и всесторонне оцѣнивая каждое его дѣйствіе, полковникъ Масловскій убѣдительно доказываетъ „умѣнье главнокомандующаго понять обстановку и принять сообразно оной вполнѣ правильное рѣшеніе", при чемъ безпристрастно и безъ утайки отмѣчаетъ и ошибки Апраксина, какъ, напримѣръ, въ присоединеніи конницы корпуса Сибильскаго къ главнымъ силамъ (стр. 249). „Въ нашемъ изслѣдованіи", говоритъ авторъ,—„мы далеко не имѣли въ виду выставить Апраксина, какъ выдающагося талантливаго полководца. Ошибки съ его стороны были (да въ нихъ не безгрѣшны и геніи, такъ сложно и трудно дѣло полководца) и указаны нами... Будемъ считать себя счастливыми, если внесемъ на страницы исторіи военнаго искусства въ Россіи XVIII вѣка... тотъ безусловно вѣрный выводъ, что какъ Апраксинъ, такъ и „генералитетъ", бывшій при немъ, прежде всего заслуживаютъ не только глубочайшаго уваженія къ ихъ памяти, но и подражанія въ отношеніи упорной стойкости и самоотверженія при защитѣ интересовъ арміи, что въ конечномъ результатѣ повело къ успѣху дѣла" (стр. 332).

Для политической исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны въ этомъ обѣленіи Апраксина особенно важны два момента, на которые мы и обращаемъ вниманіе.

16-го октября 1757 года иностранной коллегіи данъ былъ указъ для сообщенія министрамъ союзныхъ дворовъ, и указъ этотъ оканчи-

---

[1]) *Соловьевъ*, XXIV, 95; *Феоктистовъ*, 167; *Петрушевскій*, I, 23.

вался слѣдующими словами: „мы за нужно разсудили команду надъ арміею у фельдмаршала Апраксина взявъ, поручить оную генералу Фермору, а его, Апраксина, сюда къ отвѣту позвать“. Апраксинъ былъ преданъ суду особой коммиссіи, состоявшей изъ трехъ лицъ — князя Трубецкаго, Бутурлина и графа А. Шувалова. Въ чемъ же обвиняли Апраксина, какъ главнокомандующаго? Послѣ первыхъ же допросовъ, коммиссія составила особый докладъ императрицѣ о винахъ фельдмаршала Апраксина и въ этомъ докладѣ указала слѣдующіе два обвинительные пункта: вопервыхъ, „Апраксинъ въ послѣднемъ допросе показалъ, что можетъ быть имѣлъ и (бывшему канцлеру) Бестужеву оказалъ свое запинаніе къ начатію войны противъ короля прусскаго, зная, что ихъ высочества весма были склонны къ королю прусскому“, и, вовторыхъ, „изъ последняго допросу Апраксина и изъ всѣхъ его къ Бестужеву писемъ столько оказуется, что какъ Бестужевъ втянулъ великую княгиню въ сію переписку, такъ Апраксинъ подалъ ему поводъ завести сію переписку, ибо всѣми своими письмами твердя и жалуясь, для чего получаетъ указы противные тому, что при отъѣздѣ говорено, соглашено и постановлено было, всемъ темъ не разумѣлъ иного, какъ несклонность великой княгини къ войнѣ, такъ что Бестужевъ почелъ за нужно увѣрить его собственнымъ великой княгини письмомъ, что наконецъ согласуется и она къ начатію опой. За что Апраксинъ благодаря Бестужева называетъ полученное отъ великой княгини письмо драгоценнымъ отъ него сокровищемъ и присовокупляетъ, что такимъ образомъ будучи о сентиментахъ увѣдомленъ, онъ уже совершенно спокоенъ“ [1]). На основаніи этихъ двухъ обвиненій, сливающихся собственно въ одно— „запинаніе къ начатію войны“, составилось убѣжденіе, что „мирный фельдмаршалъ“ медлилъ открытіемъ военныхъ дѣйствій единственно въ угоду придворной интригѣ, въ которой былъ замѣшанъ молодой дворъ и канцлеръ Бестужевъ [2]). Это оказывается совершенно невѣрнымъ: по изслѣдованію г. Масловскаго, Апраксинъ былъ поставленъ въ полную невозможность начать военныя дѣйствія осенью 1756 г., какъ отъ него требовали, и могъ начать походъ лишь весною 1757 года. Доказательства г. Масловскаго убѣдительны до очевидности:

1) Въ сентябрѣ 1756 г., когда Апраксинъ былъ назначенъ главно-

---

[1]) Государственный архивъ, VI, № 385-й, л. 15-й.

[2]) *Соловьевъ* XXIV, 126; *Raumer*, II, 420; *Schaefer*. Geschichte des Siebenjährigen Kriegs, I, 391.

командующимъ, войска, входившія въ составъ дѣйствующей арміи, были расположены: а) корпусъ Лопухина,—въ Лифляндіи, Курляндіи, Псковской, Петербургской и Новгородской губерніяхъ, при чемъ гренадерскіе полки только еще формировались; б) корпусъ Василія Долгорукова—только началъ формироваться и полки его были разбросаны въ Прибалтійскомъ краѣ и за предѣлами Псковской губерніи; в) корпусъ Матвѣя Ливена—совсѣмъ не былъ сформированъ, при чемъ регулярная конница занимала форпосты по Днѣпру, а остальные конные полки стояли въ прежнихъ пунктахъ квартированія; г) корпусъ Брауна и Фаста—въ Эстляндіи, и д) корпусъ Григорія Мещерскаго—вовсе не былъ сформированъ и полки его находились одни на Украинѣ, другіе по крѣпостямъ; сколько же нужно было времени, чтобы глухою осенью, по дорогамъ прошлаго столѣтія, стянуть къ извѣстному пункту наступленія полки, разбросанные отъ Ревеля до Чернигова? 2) переформированіе пѣхоты и регулярной конницы не было окончено; 3) полковая артиллерія не была готова; полевая и осадная были подготовлены, но лошадей совсѣмъ не было даже для полевой артиллеріи; 4) для обезпеченія продовольствія арміи ничего не было подготовлено, и 5) военно-статистическихъ свѣдѣній о Литвѣ, Польшѣ и Пруссіи совсѣмъ не было. Принимая во вниманіе такое положеніе дѣйствующей арміи, при которомъ она никоимъ образомъ не могла „дѣйствовать“ въ сентябрѣ 1756 г., необходимо признать, что Апраксинъ не терялъ времени, если, спустя девять мѣсяцевъ, 19-го іюня 1757 года, могъ раздаться первый русскій выстрѣлъ въ Семилѣтнюю войну.

Второй важный фактъ изъ исторіи командованія Апраксина арміею заключается въ разъясненіи чисто военныхъ причинъ, обязывавшихъ главнокомандующаго отступить за Нѣманъ, вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды подъ Гроссъ-Эгердорфомъ. Это отступленіе ставили въ связь съ болѣзненнымъ припадкомъ Елизаветы Петровны и обвиняли Апраксина и даже всѣхъ генераловъ не менѣе, какъ въ измѣнѣ [1]). Нелѣпость этой догадки была уже указана Соловьевымъ [2]); но фактическое опроверженіе этого „слуха“ только теперь представлено г. Масловскимъ. Слуху этому не довѣряла даже коммиссія, судившая канцлера „Бестужева-Рюмина и фельдмаршала Апраксина [3]); тѣмъ

[1]) *Kaimer*, II, 452; *Семевскій* въ *Воен. Сборн.* V, 21; *Schaefer*, I, 392.

[2]) *Соловьевъ*, XXIV, 181; *Arneth*. Maria Theresia und der Siebenjährige Krieg, V, 519.

[3]) Государственный Архивъ, VI, № 385, л. 6.

не менѣе, въ исторической литературѣ это обвиненіе тяготѣетъ надъ Апраксинымъ до настоящаго времени [1]), и только доводы г. Масловскаго, какъ надо надѣяться, уничтожатъ его окончательно. Вслѣдствіе недостатка продовольствія и убыли людей, Апраксинъ рѣшилъ, согласно постановленію военнаго совѣта 27-го августа, отступить отъ Алленбурга къ Тильзиту и, пополнивъ запасы, двинуться къ занятію Лабіавы, то-есть, имъ „было принято лучшее рѣшеніе, основанное на правильномъ пониманіи бывшей обстановки“ (стр. 307), и г. Масловскій признаетъ отступленіе отъ Алленбурга „безусловною необходимостью“ (311), прибавляя, что рѣшеніе совѣта „было совершенно правильно и самое отступленіе начато своевременно“. Подробно разсматриваетъ г. Масловскій взаимное положеніе русской и прусской армій подъ Тильзитомъ, и приходитъ къ выводу, что „единственно правильнымъ рѣшеніемъ было—уклониться отъ боя, дать арміи оправиться, что̀ и было безъ колебанія принято Апраксинымъ“ (323). Соображенія автора получаютъ особое значеніе при сравненіи ихъ съ показаніями генерала Веймарна [2]), дѣятельнаго участника въ походѣ Апраксина въ Восточную Пруссію.

Эти установленные г. Масловскимъ новые факты чисто военнаго характера чрезвычайно важны для политической исторіи. Они заставляютъ, прежде всего, переработать весь эпизодъ паденія канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, начавшійся съ суда надъ фельдмаршаломъ Апраксинымъ. Въ государственномъ архивѣ хранится особая связка: „Допросные пункты и вины канцлера Бестужева-Рюмина, фельдмаршала Апраксина и барона Штамбке“; этою связкою пользовались г. Семевскій и Соловьевъ, быть можетъ, перелистывали ее и другіе, но всѣ подходили къ ней съ предвзятою цѣлью, видѣли тутъ „дѣло о Бестужевѣ и Апраксинѣ“ и, по большой части, не находили, чего искали. Теперь многое объясняется: ни въ допросахъ, предложенныхъ Апраксину, тѣмъ менѣе Бестужеву, ни въ документахъ, приложенныхъ къ этому „дѣлу“ нѣтъ, и, какъ оказывается, не могло быть указаній не только на измѣну, но даже на неисполненіе русскою арміею ея обязанностей. Ознакомившись съ этими документами государственнаго архива, мы пришли къ убѣжденію, что если въ нихъ

---

[1]) *Петрушевскій*, I, 23, все еще признаетъ, что „отступленіе произошло вслѣдствіе соображеній не военныхъ“ и, не извѣстно почему, считаетъ „главною пружиною отступленія—наслѣдника престола“.

[2]) *Weymarn*. Ueber den ersten Feldzug des russischen Kriegsheeres gegen die Preussen im Jahr 1757. Riga, 1794; *Пекарскій* въ *Вост. Сборн.*, III, 339.

непремѣнно ужъ нужно видѣть „дѣло“, то, во всякомъ случаѣ, не о Бестужевѣ-Рюминѣ или Апраксинѣ, а о великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, о ея первыхъ политическихъ письмахъ. Съ устраненіемъ вопроса объ измѣнѣ Апраксина, вся придворная интрига, низложившая Бестужева-Рюмина, принимаетъ совершенно иной видъ; теперь становятся понятными не только вопросы о Понятовскомъ и цербстской княгинѣ, но и исключеніе изъ чернового проекта единственнаго допроснаго пункта, который имѣлъ отношеніе къ слуху объ измѣнѣ Апраксина, и который былъ признанъ самою коммиссіею несоотвѣтствующимъ существу дѣла. Этотъ зачеркнутый коммиссіею вопросный пунктъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Извѣстно тебѣ, что 8-го числа сентября минувшаго года въ Царскомъ Селе имѣла ея императорское величество нѣкоторой припадокъ болезни. А напротиву того памятно тебѣ, что Апраксинъ стоя подъ Тильзитомъ имѣлъ намереніе сіе мѣсто укрепить и гарнизономъ снабдить, такъ что принятое потомъ вдругъ 14 и 15 числа въ ночь намереніе все бросая съ поспѣшеніемъ назадъ идти, справедливую притчину подаетъ не только подозревать, но и несумненно вѣрить, что конечно онъ о помянутомъ припадкѣ увѣдомленъ былъ. И потому имѣешь ты показать, не ты ли его о семъ увѣдомилъ, или хоть не вѣдаешь ли ты, что кто либо другой то здѣлалъ“ [1]). Необходимо замѣтить, что это единственный „допросный пунктъ“, въ которомъ не упоминается о великой княгинѣ. Какъ бы то ни было, до сихъ поръ мы смотрѣли на послѣднія распоряженія главнокомандующаго Апраксина глазами иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ, преимущественно же графа Эстергази и маркиза Лопиталя; теперь, послѣ фактическихъ разъясненій г. Масловскаго, точка зрѣнія должна быть существенно измѣнена и на первый планъ должны быть поставлены существенные интересы русской арміи, спасенной военною стойкостью и гражданскимъ мужествомъ Апраксина.

Кромѣ указанныхъ нами общихъ вопросовъ, въ изслѣдованіи г. Масловскаго заключается много фактовъ и указаній, которыми съ благодарностію воспользуется будущій историкъ Семилѣтней войны. Пользованіе „перегулярной“ конницей, значеніе „конференціи“, оцѣнка сообщеній „очевидца“ и друг., не говоря уже о спеціальныхъ сторо-

---

[1]) Допросы бывшему канцлеру Бестужеву марта 7-го дня 1758 году. Государственный Архивъ, VI, 358; *Соловьевъ*, XXIV, 194; примѣчаніе г. *Масловскаго* на стр. 311.

нахъ военнаго дѣла, разсмотрѣны г. Масловскимъ весьма обстоятельно, при чемъ онъ сообщаетъ много архивныхъ свѣдѣній, впервые появляющихся въ печати.

Въ первой же главѣ своего изслѣдованія, г. Масловскій, говоря о составѣ арміи, указываетъ, что „Апраксинъ упорно настаивалъ на командированіи въ армію калмыковъ; но, къ сожалѣнію, основываясь не на тѣхъ блестящихъ подвигахъ, которые показали калмыки въ въ 1736 году, чѣмъ могъ воспользоваться главнокомандующій, а потому что званіе оныхъ великое у непріятеля уваженіе имѣетъ“ (51). Оставляя въ сторонѣ „сожалѣніе“ автора, намъ кажется, что въ данномъ случаѣ ссылка Апраксина на „непріятеля“ вполнѣ умѣстна и цѣлесообразна. Армія предназначалась для дѣйствія противъ Пруссіи и въ „Политической кореспонденціи Фридриха Великаго“ можно встрѣтить много подтвержденій его „уваженія“ къ нашей иррегулярной конницѣ. „Я вовсе не опасаюсь русской регулярной арміи“,—пишетъ Фридрихъ II своему представителю при петербургскомъ дворѣ — „но тѣмъ болѣе страшусь казаковъ, татаръ и калмыковъ, способныхъ въ одну недѣлю опустошить и сжечь цѣлую страну“ [1]). Свое уваженіе къ русскимъ иррегулярнымъ войскамъ Фридрихъ II высказалъ особенно рѣзко въ своей „Histoire de mon temps“: онъ признаетъ, что „всѣ избѣгаютъ столкновенія съ Россіею, потому что можно все потерять, ограничиваясь даже оборонительною войною, въ случаѣ нападенія русскихъ—у нихъ въ войскѣ много татаръ, калмыковъ и казаковъ, а эти кочевые хищники и зажигатели способны опустошить цвѣтущія провинціи прежде даже, чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ“.

Что же это за „перегулярныя“ войска, которыхъ Фридрихъ такъ боялся и Апраксинъ такъ „упорно“ просилъ?

Русская иррегулярная конница въ Семилѣтнюю войну состояла изъ „разнородныхъ“ казаковъ—донскихъ, чугуевскихъ, слободскихъ; „разнонародныхъ“ командъ—калмыковъ, башкировъ, татаръ, мещеряковъ, и разныхъ гусаръ—сербскихъ, грузинскихъ, молдавскихъ, венгерскихъ. Чтобы вполнѣ понять „уваженіе“ Фридриха II къ этой разнонародной командѣ, довольно привести мѣры, принимавшіяся для препровожденія, напримѣръ, калмыковъ по Россіи: „Для вспоможенія въ смотрѣніи за калмыками, чтобы отъ нихъ россійскимъ жилищамъ и обывателямъ не было раззоренія, командировать четырехъ человѣкъ офицеровъ, а

---

[1]) Polit. Corresp., V, 65, 97 и др.

ной неподготовкѣ къ дѣйствію „разнонародныхъ“ командъ, кромѣ калмыковъ, и слабости слободскихъ казаковъ, можно считать, что изъ числа нерегулярныхъ войскъ арміи Апраксина 5,000 человѣкъ и, главное, 10,000 коней были совершенно лишніе, требуя лишь дорогаго довольствія; если къ этому добавимъ до 8,000 кирасиръ, конно-гренадеръ и драгунъ, служившихъ въ пѣшемъ строю, то всего 18,000 лошадей безъ малѣйшаго ущерба дѣлу могли бы быть отправлены изъ арміи“ (54). Предоставляемъ спеціалистамъ оцѣнить такое общее заключеніе автора: въ вопросахъ подобнаго рода мы совершенно не компетентны.

Изъ вопросовъ не спеціально военныхъ, полнѣе всего разработано г. Масловскимъ значеніе конференціи [1]), образованной предъ началомъ Семилѣтней войны для объединенія интересовъ „политики и войны“. Хотя относительно значенія этой конференціи въ нашей исторической литературѣ нѣтъ, сколько намъ извѣстно, двухъ мнѣній, тѣмъ не менѣе, сдѣланный г. Масловскимъ подборъ фактовъ въ доказательство негодности подобныхъ учрежденій необходимо признать чрезвычайно поучительнымъ для выясненія сложнаго вопроса о взаимодѣйствіи политики и войны. Отрицать это взаимодѣйствіе нельзя; это значило бы признать такое, немыслимое уже для насъ явленіе, какъ война для войны. Война является послѣдствіемъ политики въ обширномъ смыслѣ и въ конечномъ результатѣ имѣетъ въ виду ея же интересы; война—служебный элементъ политики, ея ratio ultima. Но война не есть политика; разграничить сферу дѣйствія и вліянія этихъ двухъ явленій иногда довольно трудно, но всегда крайне необходимо. Даже послѣднія, пережитыя нами двѣ большія войны—прусско-французская 1870 года и русско-турецкая 1876 года — показали, какъ трудно и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо подобное разграниченіе [2]). При Елизаветѣ Петровнѣ, напротивъ, старались слить, объединить вопросы „политики и войны“. Къ чести Россіи должно сказать, что не ей принадлежитъ изобрѣтеніе подобнаго учрежденія: эта честь всецѣло принадлежитъ Австріи, родинѣ пресловутаго гофкригсрата; на столько Австріи, что даже честь Елизаветинской конференціи, учрежденной несомнѣнно по мысли канцлера Бестужева-Рюмина, оспаривалась австрійскимъ посломъ при русскомъ дворѣ, графомъ Эстергази.

---

[1]) Особенно интересны стр. 243—265 приложенія.

[2]) См. любопытное письмо графа Тотлебена изъ Тученицы, отъ 15-го октября 1877 г. въ *Русской Старинѣ*, 1886, XI, 454.

Во всеподданнѣйшихъ докладахъ Бестужева-Рюмина Елизаветѣ Петровнѣ исторія учрежденія конференціи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Канцлеръ пріемлетъ смѣлость ея императорскому величеству представить, что высочайшая служба и польза государства необходимо требуютъ управленіе дѣла о конвенціи съ Англіею и всего къ нему принадлежащаго подъ своимъ монаршимъ руководствомъ поручить такой коммиссіи, которая бы изъ такихъ и столькихъ людей составлена была, какихъ ея императорское величество сама избрать изволитъ, и которые бы наиболѣе ея высочайшую довѣренность къ себѣ имѣли, и имѣя свое собраніе и засѣданіе при дворѣ, могли тотчасъ на все получить монаршія ея императорскаго величества резолюціи и повелѣнія, и потому съ потребною скоростью и силою управлять и двигать такую великую махину, какова есть отправленіе корпуса 55,000 человѣкъ моремъ и сухимъ путемъ, удовольствительное тамо содержаніе, предпріемлемыя имъ операціи и множество сопряженныхъ съ тѣмъ околичностей. Нагротивъ того, безъ подобной коммиссіи ежели командующій генералъ будетъ вдругъ получать указы изъ сената, военной и иностранной коллегіи, и адмиралтейская коллегія въ тожъ время галерами распоряжать будетъ, а напротивъ того сіи мѣста между собою, вмѣсто согласнаго вспоможенія, будутъ только письменно переспариваться и, оттягивая время, вину одинъ на другаго сваливать, то можно напередъ себѣ вообразить, коль печально будетъ тогда состояніе сего командующаго генерала... Ничего къ сему способнѣе быть не можетъ, какъ когда бъ ея императорское величество, избравъ наидостойнѣйшихъ монаршей своей довѣренности персонъ, учредила изъ нихъ при своемъ дворѣ тайный военный совѣтъ, не только для нынѣшняго времени, но и навсегда. Весьма много важности прибавится, ежели бъ притомъ еще угодно было повелѣть, чтобъ сей тайный военный совѣтъ началъ исправленіе своей должности приведеніемъ генерально всѣхъ здѣшнихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ такую готовность и состояніе, чтобы тотчасъ же въ движеніе прійти и каждый полкъ въ 24 часа въ походъ выступить могъ. Понеже теперь должность и упражненіе подобнаго тайнаго военнаго совѣта почти генерально всю политическую систему въ себѣ заключать имѣютъ, то кого бы ея императорское величество и сколько членами онаго назначить не соизволила, канцлеру и вице-канцлеру въ томъ числѣ быть нужно“ [1]).

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 84; *Соловьевъ*, XXIV, 26.

Изъ „коммиссіи“ и „тайнаго военнаго совѣта“ народилась конференція, во всемъ согласно съ предложеніемъ Бестужева-Рюмина. Между тѣмъ, по его же собственному свидѣтельству, „посолъ графъ Эстергази открылся дацкому здѣсь умершему министру Малцану и бывшему здѣсь шведскому полковнику графу Горну, а они оба ему, что онъ посолъ своимъ кредитомъ и представленіями то здѣлалъ, что соизволила ея императорское величество учредить при дворе своемъ конференцію, дабы канцлеръ неімѣлъ больше въ дѣлахъ такой силы, какъ прежде“ [1]).

Одному Богу только извѣстно, что вынесли всѣ наши главнокомандующіе отъ этой нелѣпой конференціи. Уже Апраксинъ жаловался на „огорченіе, которое отъ нѣкоторыхъ въ присылаемыхъ рескриптахъ предписаній чувствовалъ“ и справедливо негодовалъ на интриги въ конференціи, вслѣдствіе которыхъ „не всѣ реляціи для докладу къ ея величеству въ оригиналахъ представляются, но что только за угодное покажется, или не такъ перетолковываютъ“ [2]). Графъ же Салтыковъ, побѣдитель при Пальцигѣ и Куннерсдорфѣ, приходилъ просто въ отчаяніе: „Изъ высокоучрежденной конференціи столько выговоровъ и нареканій, почему я, видя себя не только такою великою арміею командовать, но ни ротою, ибо и совѣтовъ держать не умѣю, атаковать также, даже и квартиры себѣ выбрать не умѣю и не знаю, за что бы я не получалъ выговору. У насъ надобенъ командиръ чужестранный—тотъ будетъ смѣлѣе, а русскому трудно что на себя взять“ [3]). Наконецъ, графъ Бутурлинъ, благодаря Шувалова за заступничество, прибавляетъ: „По милости конференціи давно бы меня на свѣтѣ не было. Сперва не только величали меня и ублажали паче мѣръ моихъ, а нынѣ живаго въ гробъ вселяютъ и поютъ: святый Боже!“ [4]). Напрасно Апраксинъ доказывалъ конференціи, что „при сочиненіи военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войскъ припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны“, — конференція, вовсе не знакомая съ стратегическою обстановкою, продолжала предписы-

[1]) Государств. архивъ, VI, 385, л. 5-й.
[2]) Сборникъ историч. общества, IX, 460.
[3]) Ibid., 495.
[4]) Ibid., 509.

вать арміи невыполнимыя задачи, указывать ей каждый шагъ, дѣлая за все отвѣтственнымъ, конечно, не себя, а главнокомандующаго. Нерѣдко предписанія конференціи были составлены въ такихъ выраженіяхъ, что самое чтеніе ихъ вело только къ потерѣ времени. Разбирая подробно знаменитую инструкцію 5-го октября 1756 года, данную Апраксину, г. Масловскій справедливо говоритъ, что, по этой инструкціи, „русской арміи слѣдовало въ одно и то же время и идти, и стоять на мѣстѣ, и брать крѣпости, и не отдаляться отъ границы“ (стр. 165). Елизаветинская конференція, просуществовавъ все время Семилѣтней войны, такъ и не догадалась, что военныя операціи находятся въ зависимости отъ стратегической обстановки, талантливости военачальника, свойства арміи, топографіи театра войны, и до конца думала изъ кабинета руководить войсками. Суворовъ, натерпѣвшійся отъ вѣнской конференціи (гофкригсрата), навѣки заклеймилъ подобныя учрежденія своимъ тезисомъ: „въ кабинетѣ врутъ, а въ полѣ бьютъ“.

Обращаемся къ послѣднему не спеціально-военному вопросу въ трудѣ г. Масловскаго, къ оцѣнкѣ сообщеній „очевидца“. Эта оцѣнка сдѣлана авторомъ по поводу извѣстныхъ записокъ Болотова, при чемъ упомянуто и письмо „вояжира изъ Риги“ [1]). Небольшой этотъ очеркъ или критическій этюдъ, въ 16 страницъ, открывается слѣдующими тремя положеніями военно-исторической критики:

„Нельзя не признать, что значеніе записокъ очевидца военно-историческихъ событій находится въ зависимости, вопервыхъ, отъ личныхъ (нравственныхъ) достоинствъ автора записокъ, свидѣтельство котораго принимается, въ массѣ случаевъ, на вѣру; вовторыхъ, отъ степени компетентности автора въ вопросахъ военнаго дѣла, отъ чего зависитъ не только оцѣнка, но и обстоятельность описанія военныхъ фактовъ; втретьихъ, отъ обстановки, въ которой находился авторъ записокъ во время описываемыхъ имъ военныхъ дѣйствій“ (стр. 34).

Съ этимъ нельзя согласиться, и вѣроятно, самъ авторъ затруднился бы примѣнить такіе критическіе пріемы, напримѣръ, къ разказу „вояжира изъ Риги“, несомнѣннаго очевидца, о которомъ намъ

---

[1]) Schreiben eines Reisenden aus Riga, welches enthält den Zustand der russischen Armee und die Beschaffenheit von deren Befehlshabern. Письмо это помѣчено 8-мъ ноября 1756 г., но было написано не ранѣе конца 1757 г. и напечатано только въ іюлѣ 1758 года. Современный переводъ его помѣщенъ въ Архивѣ князя Воронцова, VI, 479.

рѣшительно ничего не извѣстно—ни его личныхъ качествъ, ни компетентности въ военныхъ вопросахъ, ни той обстановки, въ которой онъ находился. Пріемы исторической критики, одни и тѣ же, какъ для военной, такъ и для гражданской исторіи; но они нѣсколько иные, чѣмъ тезисы г. Масловскаго. Мы, вообще, недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось автору составлять „критическій разборъ источниковъ"? Обнародованіемъ этой своей черновой работы, встрѣчающейся при всякомъ серьезномъ трудѣ, г. Масловскій только увеличилъ объемъ книги и безъ нужды обнажилъ свои слабыя стороны. Подъ общимъ наименованіемъ „источниковъ" онъ разсматриваетъ и сочиненіе кн. Голицына, и этюдъ Пекарскаго, и XXIV-й томъ Исторіи Соловьева, и „Записки" Болотова, и письмо „воляжира изъ Риги", и статью г. Семевскаго, и спеціальные труды гг. Ласковскаго и Глиноецкаго, не дѣлая ни малѣйшаго различія между источниками и пособіями. Все это покрывается такимъ выводомъ: „Оцѣнка источниковъ, сдѣланная нами въ настоящемъ очеркѣ, убѣждаетъ, что для изученія состоянія русской арміи въ Семилѣтнюю войну мы обязаны обратиться къ архивнымъ документамъ" (61 прил.). Вслѣдствіе неправильнаго взгляда на источники и пособія, здѣсь выводомъ стала исходная точка.

Что такое „архивные документы"? Это, въ данномъ случаѣ, реляціи главнокомандующаго, рескрипты конференціи, распоряженія коллегій, донесенія отдѣльныхъ начальниковъ, различныя извѣщенія, письма, словомъ—болѣе или менѣе офиціальные акты, то-есть, такіе письменные источники исторіи, которые не только сообщаютъ факты о какомъ-либо историческомъ событіи, но и сами составляютъ частицу этого событія, остатокъ отъ прошлаго. Архивные документы являются, такимъ образомъ, самыми драгоцѣнными памятниками исторіи, самыми достовѣрными ея свидѣтелями: какъ созданіе самихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ томъ или другомъ историческомъ явленіи или событіи, на документахъ по преимуществу лежитъ печать всего духовнаго образа, какъ тѣхъ личностей, такъ и той эпохи, которой они принадлежатъ. При разсмотрѣніи памятниковъ подобнаго рода, задача исторической критики ограничивается вопросомъ о подлинности документа—дѣйствительно ли документъ есть то, за что онъ себя выдаетъ. Этимъ собственно и оканчивается изслѣдованіе документа, послѣ чего уже онъ становится достояніемъ исторической науки, ея матеріаломъ, которымъ историкъ пользуется и для дальнѣйшихъ цѣлей—для раскрытія политическихъ комбинацій,

для узнанія руководящей идеи, для полноты художественнаго представленія. Заслуга г. Масловскаго, и заслуга громадная, заключается именно въ томъ, что онъ рѣшился посвятить свою жизнь на разборъ и обнародованіе подобныхъ „драгоцѣнныхъ памятниковъ“ по исторіи Семилѣтней войны. Знакомые съ русскою историческою литературой должны признать, что г. Масловскому приходится возсоздавать, воскрешать событія по „источникамъ“, при чемъ въ нашей литературѣ нѣтъ почти ни одного „пособія“, которымъ онъ могъ бы воспользоваться. Весь его „критическій разборъ“ посвященъ исключительно опроверженію взглядовъ и выводовъ, сдѣланныхъ его предшественниками. Онъ отмѣчаетъ ошибки г. Семевскаго, Соловьева, Ласковскаго, Глиноецкаго и др., ошибки иногда довольно грубыя, но всегда понятныя и коренящіяся въ самомъ существѣ историческихъ трудовъ.

Историческія знанія расширяются почти съ каждымъ новодобытымъ источникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ значительнѣе успѣхи изслѣдованія, тѣмъ болѣе число тѣхъ фактовъ и представленій, которые наука отбрасываетъ, какъ ложные результаты прежняго полузнанія. Что изслѣдователь строитъ сегодня на развалинахъ, оставшихся отъ вчерашнихъ взглядовъ, то завтра же можетъ разрушить новый изслѣдователь новыми, найденными имъ „остатками прошлаго“. Это особенно вѣрно относительно русской исторіи, которая еще во многомъ не разработана, и для которой собирается только матеріалъ. Во всей русской исторіи нѣтъ почти ни одного періода, въ сужденіи о которомъ взрослый человѣкъ могъ бы положиться на воспоминанія, вынесенныя имъ со школьной скамьи. Соловьевъ представляетъ апраксинскій походъ въ совершенно ипомъ свѣтѣ, чѣмъ представлялъ его г. Семевскій; г. Масловскій отвергаетъ взгляды и г. Семевскаго, и Соловьева, создавая новое представленіе о Семилѣтней войнѣ, которое, въ свою очередь, будетъ измѣнено, дополнено или исправлено на основаніи тѣхъ источниковъ, которыхъ не имѣлъ г. Масловскій или которыми воспользовался не въ должной мѣрѣ. Но и въ этомъ частномъ случаѣ, прочные успѣхи историческаго знанія зависятъ столько же отъ новыхъ „архивныхъ документовъ“, сколько и отъ твердо установившихся пріемовъ изслѣдованія. Самъ же г. Масловскій долженъ былъ отличить эти пріемы въ трудахъ своихъ предшественниковъ и указать на разницу пріемовъ изслѣдованія въ сочиненіяхъ Пекарскаго, Семевскаго, Соловьева и др. Уступая даже автору, предполагая, вмѣстѣ съ нимъ, что „военная исторія имѣетъ рядъ своихъ пріемовъ“, необходимо признать, что и „общеполитическая“ исторія имѣетъ свои

пріемы, и еслибъ г. Масловскій имѣлъ въ виду эти „невоенные“ пріемы, онъ представилъ бы иную оцѣнку сообщеній „очевидца“.

Изъ сообщеній двухъ „очевидцевъ“, г. Масловскій подробно останавливается на запискахъ Болотова и почти ничего не говоритъ о письмѣ „вояжира изъ Риги“. Почему? Записки Болотова обнимаютъ почти все XVIII столѣтіе, а письмо вояжира—исключительно апраксинскій походъ; авторъ записокъ старался „не пропускать ни единаго происшествія, до котораго достигала только его память и не смотрѣлъ, хотя бы иныя были изъ нихъ самыя маловажныя“, авторъ письма имѣлъ въ виду исключительно „состояніе россійской арміи и свойствъ командировъ оной“; Болотовъ былъ офицеромъ malgré lui Архангелогородскаго полка, тяготившимся военною службой, „вояжиръ изъ Риги“ называетъ себя „человѣкомъ не военнымъ“ только для отвода глазъ и оказывается знатокомъ военнаго дѣла; Болотовъ, зная уже, что графъ Румянцевъ есть генералъ „толико прославившійся потомъ“, не находитъ ни одного добраго слова для характеристики Румянцева во время апраксинскаго похода, умалчиваетъ о его подвигѣ, рѣшившемъ исходъ Эгердорфскаго боя, и приводитъ только нелѣпый разказъ о ночномъ объѣздѣ лагеря, между тѣмъ какъ „вояжиръ“ пишетъ: „Графъ Румянцевъ—молодой господинъ, который однакожь чрезмѣрно старался къ службѣ годнымъ себя учинить и который дѣйствительно въ оной службѣ многія чрезвычайныя теоретическія знанія имѣетъ и, однимъ словомъ, искуснѣйшій ихъ генералъ“; записки писались спустя болѣе тридцати лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, письмо составлялось въ лагерѣ русскихъ войскъ, въ моменты его осмотра; записки Болотова стали извѣстны только въ наши дни, письмо было напечатано въ 1758 году и было разослано повсюду, гдѣ только могли интересоваться состояніемъ русской арміи и свойствами ея командировъ. Намъ кажется совершенно на оборотъ: изъ двухъ „очевидцевъ“, вниманіе военнаго историка должно быть обращено значительно болѣе на „Письмо вояжира“ [1]), чѣмъ на записки Голотова.

---

[1]) До настоящаго времени авторъ „Письма“ остается неизвѣстнымъ. Графъ М. Л. Воронцовъ поручалъ графу Фермору „освѣдомиться о имени сего спіона, до чего кажется не трудно добраться чрезъ тѣхъ людей, съ которыми онъ въ знакомствѣ былъ и коихъ прямо именемъ называетъ, о чемъ и здѣсь стараться будемъ“ (Арх. кн. Воронцова, VI, 353); но изъ этихъ стараній ничего не вышло. Теперь, по мѣрѣ выхода новыхъ томовъ „Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen“ открывается нѣкоторый просвѣтъ и относительно вопроса о личности „вояжира“ изъ Риги. Въ XIII томѣ этого изданія помѣщена переписка между

Русскій резидентъ въ Регенсбургѣ, И. М. Симолинъ, прислалъ вице-канцлеру графу М. Л. Воронцову письмо, отъ 1-го августа 1758 года, начинавшееся слѣдующими словами: „Понеже секретарь бранденбургскаго министра разослалъ по домамъ приложенную при семъ піесу подъ титломъ: Письмо вояжира изъ Риги о состояніи россійской арміи и генералитета, то я припялъ смѣлость послать при семъ къ вашему сіятельству экземпляръ онаго". Вице-канцлеръ, не понимавшій по нѣмецки, приказалъ перевести письмо на русскій языкъ и, прочитавъ переводъ, сдѣлалъ на немъ слѣдующую полицейскую помѣтку: „Сочинитель сего письма былъ явнымъ спіопомъ при нашей арміи, которой чаятельно откуда нибудь съ хорошими рекомендаціями присланъ былъ, что подозрѣнія на него не имѣли. Впрочемъ все сіе письмо наполнено злостнымъ ругательствомъ и поношеніемъ арміи и генералитета". Сознавая однако, что въ письмѣ не только „явные лжи находятся", но есть и доля правды, графъ Воронцовъ послалъ переводъ къ главнокомандующему, графу Фермору, при чемъ совѣтовалъ ему, въ письмѣ отъ 22-го сентября 1758 года: „Главнѣйше разсмотрѣть, не показалъ ли вояжиръ изъ Риги между многими лжами дѣйствительно какого порока или недостатка въ воинскихъ нашихъ обрядахъ и тогда, кажется, беззазорно можно тѣмъ пользоваться. Я не могу вашему сіятельству скрыть, что всѣ почти генерально находятъ великими пороками множество обозовъ въ нашей арміи, также и то, что мы перегулярныхъ своихъ войскъ съ

Уильямсомъ, англійскимъ посломъ въ Петербургѣ, Митчелемъ, англійскимъ посломъ въ Берлинѣ, королемъ Фридрихомъ II и генералъ-фельдмаршаломъ Левальдомъ о посылкѣ англійскаго капитана Ламберта въ качествѣ шпіона въ лагерь русскихъ войскъ, собранныхъ близъ Риги. Переписка относится къ августу 1756 года, и изъ нея видно, что Ламбертъ былъ уже въ Петербургѣ и сообщилъ Прусскому королю кое-какія свѣдѣнія; теперь Фридрихъ II хотѣлъ опять послать его шпіономъ въ Россію и, для большихъ удобствъ, съ паспортомъ курьера англійскаго посольства; но Митчель отказался отъ выдачи подобнаго паспорта, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „такая варварская нація (une nation barbare), какъ Россія, способна будетъ на всякія крайности изъ-за подобнаго нарушенія международнаго права". Ламберту былъ выданъ паспортъ простаго „вояжира" и онъ отправился въ концѣ августа 1756 года въ Ригу, „um sich nach allen militärischen Arrangements zu erkundigen", для чего долженъ былъ „eine Zeit allda aufhalten (Pol. Corr., XIII, 141, 160, 170, 197, 254). Эта догадка о Ламбертѣ подтверждается помѣтой на „Письмѣ вояжира изъ Риги"—6-го ноября 1756 г., и тѣмъ обстоятельствомъ, что печатное письмо это было распространяемо именно бранденбургскимъ резидентомъ въ Регенсбургѣ.

пользою употреблять не умѣемъ. Я дружески совѣтую вашему сіятельству, буде нынѣшнее время и обстоятельства васъ къ тому допустить могутъ, сообща съ господами генералами, прилежно изслѣдовать и разсмотрѣть, въ чемъ неисправности наши и какія полезныя учрежденія и обряды въ непріятельской арміи, которыя бы въ войскѣ въ самомъ дѣлѣ приняты быть могли и которыми, безъ потерянія времени, надлежитъ пользоваться“ [1]).

Очевидно, письмо произвело впечатлѣніе, и хотя порицалось, съ русской точки зрѣнія [2]), но заставило обратить вниманіе на нѣкоторыя замѣчанія „вояжира“, справедливость которыхъ била въ глаза. Намъ кажется, что въ виду одного этого впечатлѣнія, не говоря уже о томъ, что письмо до послѣдняго времени служитъ однимъ изъ первыхъ источниковъ для иностранныхъ писателей, къ нему слѣдовало отнестись внимательно и подвергнуть его серьезной критикѣ. Между тѣмъ, г. Масловскій ограничивается приведеніемъ изъ письма графа Воронцова къ графу Фермору двухъ фразъ: письмо „въ достойномъ презираніи оставить должно“, потому что „прежнія дѣла и настоящія противное тому доказали и доказуютъ“. Г. Масловскій ссылается при этомъ на „главный архивъ иностранныхъ дѣлъ; прусскія дѣла; связка 2-я“; но письмо это давно напечатано въ „Архивѣ князя Воронцова“ и произвело на опытнаго издателя „Архива“, П. И. Бартенева, совершенно иное впечатлѣніе: „очевидно, что самъ вице-канцлеръ сознавалъ, что въ отзывѣ иноземца о нашей арміи была доля правды“ [3]). Но въ томъ и другомъ случаѣ, кажется, можно усомниться, на столько ли компетентный судья въ военныхъ вопросахъ графъ М. Л. Ворон-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, VI, 775, 776, 353, 354.

[2]) Первое порицаніе принадлежитъ нашему регенсбургскому резиденту, въ вышеприведенномъ письмѣ къ гр. Воронцову: „Сіе письмо заслуживаетъ всякаго пренебрегательства и содержитъ въ себѣ только порицанія и ложныя предъявленія, дабы тѣмъ уничтожить доброту нашихъ войскъ и достоинство генералитета, о которыхъ дерзновеннымъ образомъ несходственныя съ правдою разглашенія чинятся; искусство ложное сего автора предъявленіе довольно изобличило и должно привести его въ стыдъ и конфузію; онъ не разсудилъ, какое отъ того безчестіе для войскъ короля Прусскаго происходитъ; и есть ли то, о чемъ онъ предъявляетъ основательно, то нималой въ томъ славы нѣтъ, чтобъ побивать такое худое войско. Но прусаки, будучи въ ордерѣ баталіи, сами были разбиты, да и при всѣхъ ошибкахъ уступать принуждены, изъ чего публика натуральнымъ образомъ заключать должна, что оные еще хуже того войска, котораго храбрость и поступки они уничижать стараются“. Архивъ кн. Воронцова, VI, 775.

[3]) Архивъ князя Воронцова, VI, 354.

цовъ, чтобы его мнѣніе могло имѣть рѣшающее значеніе для нашего времени?

Издатель „Жизни и приключеній А. Болотова, описанныхъ самимъ имъ для своихъ потомковъ“, желая, въ нѣсколькихъ словахъ, охарактеризировать Болотова и его записки, такъ отозвался объ нихъ въ небольшомъ предисловіи къ своему изданію: „Лучшія стороны разказа Болотова составляютъ необыкновенная искренность автора, любовь къ правдѣ и къ дорогому отечеству. Болотовъ есть полный представитель лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтія. Большія природныя дарованія онъ развилъ упорнымъ изученіемъ наукъ и литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной, въ особенности нѣмецкой. Независимо отъ этого, это былъ человѣкъ прекраснѣйшихъ душевныхъ качествъ: въ запискахъ его какъ въ зеркалѣ отражается его чистое, прекрасное сердце. Отсюда эта теплота разказа, эта правдивость, этотъ добродушный юморъ“. Пекарскій, Соловьевъ, Ѳеоктистовъ, Бартеневъ и др. пользовались „Записками“ Болотова и, когда признавали возможнымъ, подтверждали свои взгляды его доводами и сообщали факты его словами. Ни издатель записокъ Болотова, ни историки, пользовавшіеся ими, не подвергали критической оцѣнкѣ этихъ записокъ. Эту трудную задачу взялъ на себя г. Масловскій; разобравъ записки Болотова съ точки зрѣнія „военно-исторической“ критики, онъ пришелъ къ слѣдующему выводу:

„Болотовъ не обладалъ ни элементарными знаніями военнаго дѣла, ни боевыми опытами, что̀ давало бы ему право критически отнестись къ распоряженіямъ главнокомандующихъ. Болотовъ, какъ русскій солдатъ, не имѣлъ нравственныхъ принциповъ, и если онъ этимъ рисуется для того, чтобы убѣдить въ правдивости всего сказаннаго про другихъ и для увлекательности разказа, то не думаю, чтобы цѣль его была достигнута. Серьезнаго писателя, позволяемъ себѣ думать, Болотовъ этою личиною не подкупитъ. При обстоятельномъ же изученіи дѣла, искусственность разказа, несоотвѣтственность съ другими данными, непослѣдовательность, время описанія фактовъ (черезъ 30 лѣтъ спустя послѣ участія)—все это скорѣе выдаетъ автора, свидѣтельствуя о его способности „для краснаго словца“ превращать событія изъ „мухи въ слона“, даже не жалѣя себя. Эта послѣдняя особенность въ пріемахъ описанія очевидца — стремленіе увлечь читателя фразерствомъ и описаніями разныхъ

„зрѣлищъ“—и есть самое опасное оружіе для обезображенія военно-историческихъ фактовъ (стр. 48).

„Въ чемъ же вся сила записокъ Болотова? Талантливый авторъ записокъ, внѣ всякаго сомнѣнія, обладалъ даромъ слога, замѣчательнымъ для своего времени. Въ этомъ случаѣ ему могъ бы позавидовать (относительно) любой изъ авторовъ историческихъ повѣстей, романовъ и, подобные Болотову, гг. кореспонденты-очевидцы XIX столѣтія, правдивость которыхъ намъ хорошо извѣстна. А. Т. Болотовъ, на нашъ взглядъ, и является первымъ типомъ подобныхъ корреспондентовъ, сообщавшій въ своихъ „письмахъ“, яко бы съ театра войны, разную разность, лишь бы она вышла поэффектнѣе. Занимательность разказа несомнѣнно и повліяла на популярность разсматриваемыхъ записокъ очевидца“ (стр. 49).

Эти „кореспонденты-очевидцы XIX столѣтія“ могли бы смутить серьезныхъ читателей; но упоминаемые тутъ же „авторы историческихъ романовъ и повѣстей“ устраняютъ всякое сомнѣніе относительно смысла рѣчи. Мы, напримѣръ, имѣвшіе возможность видѣть „кореспондентовъ-очевидцевъ“ не только русскихъ, но и англійскихъ и нѣмецкихъ, въ томъ числѣ офицеровъ генеральнаго штаба, склонны были бы видѣть въ приведенномъ сравненіи не порицаніе, а похвалу. Но, не обращая вниманія на форму выраженій, справедливъ ли такой отзывъ о Болотовѣ и его запискахъ? Встрѣчая въ запискахъ Болотова неточное описаніе, положимъ, боя, г. Масловскій ставитъ эту неточность въ вину Болотову. Справедливо ли это?

Передавалъ ли когда-нибудь „очевидецъ“ абсолютно вѣрную картину видѣннаго имъ событія? Безъ сомнѣнія, отдѣльную замѣтку, небольшое извѣщеніе, содержаніе котораго исчерпывается однимъ чувственнымъ воспріятіемъ, можетъ быть передано безъ значительнаго отклоненія отъ истины. Но не то бываетъ, когда дѣло идетъ о связи многихъ подробностей, о передачѣ событія болѣе чли менѣе сложнаго. Не только историческій, но и психологическій опытъ ясно показываетъ, что самый незначительный и наиболѣе очевидный предметъ никогда еще не былъ описанъ двумя очевидцами совершенно одинаково; даже одинъ и тотъ же очевидецъ, описывая нѣсколько разъ одинъ и тотъ же фактъ, варьируетъ его при всякомъ повтореніи. Наглядиѣе всего это сказывается на судебныхъ процессахъ: свидѣтели одного и того же факта, вызванные одною изъ сторонъ, совершенно розно передаютъ видѣнный ими фактъ; одинъ и тотъ же свидѣтель розно описываетъ одинъ и тотъ же фактъ на предвари-

тельномъ и на судебномъ слѣдствіи. Винить ли ихъ за это? Ни мало: причина этой неточности, тайна подобнаго разнорѣчія кроется не въ недобросовѣстности свидѣтеля, а въ томъ чисто физіологическомъ фактѣ, что всякое объективное событіе, проходя чрезъ пониманіе и представленіе человѣческаго духа, терпитъ болѣе или менѣе важныя измѣненія отъ самой сущности человѣческой природы. Если сравнить мемуары Фридриха II или, еще ближе, его „Histoire de la guerre de sept ans“, съ его же письмами, депешами, приказами, тотчасъ замѣчается масса измѣненій, неточностей, отступленій. Причина ясна: приказы, отдаваемые полководцемъ на полѣ битвы, не разказываютъ о событіи — они сами частица этого событія; въ мемуарахъ же встрѣчается, конечно, иногда и сознательная ложь, но гораздо чаще проявляется безсознательное искаженіе связи фактовъ, ослабленіе памяти, измѣненіе собственнаго мнѣнія, и безусловно всегда — измѣненіе точки зрѣнія, взгляда. Въ запискахъ и мемуарахъ заключаются не самые событія, факты, предметы, а лишь впечатлѣнія, которыя эти событія, факты, предметы произвели на автора записокъ; притомъ необходимо помнить, что описаніе этихъ впечатлѣній никогда не соотвѣтствуетъ вполнѣ точно факту, произведшему это впечатлѣніе. Сдѣлать изъ разказа обратное заключеніе о формѣ впечатлѣнія и изъ него вывести первоначальный образъ факта, произведшаго впечатлѣніе, — вотъ задача исторической критики, во многомъ напоминающая работу судьи, который изъ разказа свидѣтеля о фактѣ дѣлаетъ заключеніе о самомъ фактѣ, руководствуясь личностью разказчика и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое могло быть произведено на эту личность.

Мемуары современниковъ Болотова — Фридриха II, Лафайетта, Дюмурье, Наполеона I и др. — отличаются такою же неточностью, искаженіемъ фактовъ, извращеніемъ истины. Маршалъ Мармонъ самъ внесъ въ свои мемуары бо́льшую часть документовъ, слѣдовательно, вовсе уже не желалъ ввести читателя въ заблужденіе, и все-таки во многихъ важныхъ пунктахъ эти документы прямо противорѣчатъ его разказу. Смѣемъ увѣрить г. Масловскаго, что относительно точности, всѣ эти мемуары ничѣмъ не отличаются отъ записокъ Болотова. И въ нихъ, какъ въ запискахъ Болотова, замѣчается одно и то же явленіе: какъ только является памѣреніе разказать что-либо, описать какое-либо событіе или фактъ, тотчасъ же человѣческая натура разказчика воздѣйствуетъ на самую сущность разказа. Никакая строгость къ самому себѣ, никакая ясность наблюденія не можетъ

предостеречь отъ этого, потому что и вѣрно полученныя впечатлѣнія примутъ иную форму въ разказѣ; самая сильная любовь къ истинѣ не оберегаетъ отъ этого, такъ какъ самъ разказчикъ вполнѣ убѣжденъ, что представляемая имъ переработка есть точная истина; самая наивная откровенность разказа не можетъ служить гарантіей противъ измѣненій, потому что въ большей части случаевъ эти измѣненія дѣлаются безсознательно. Не смотря на то, какъ названные иностранные мемуары, такъ и записки Болотова справедливо признаются „драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ исторической литературы".

Что могъ знать о ходѣ военныхъ дѣйствій подпоручикъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка? Конечно, онъ могъ быть „очевидцемъ" только дѣйствій своего полка, и въ этомъ отношеніи даже г. Масловскій признаетъ, что „Болотовъ подробно описываетъ распоряженія и мѣры своего полковаго командира". Все же, что̀ не касалось этой боевой единицы, могло быть извѣстно Болотову не какъ очевидцу, но по слухамъ и по разказамъ третьихъ лицъ. По своей добросовѣстности, онъ нерѣдко, сообщая по слуху какое-нибудь извѣстіе, прибавляетъ: „Но подлинно ли сіе такъ было, того истинно не знаю, ибо маленькому такому человѣку, каковымъ былъ я, и знать было не можно [1]). Тѣмъ не менѣе, въ запискахъ Болотова сохранилось нѣсколько извѣстій, которыя безъ того были бы потеряны для исторіи, и г. Масловскій долженъ былъ воспользоваться сообщеніями „кореспондента-очевидца", какъ единственнаго свидѣтеля. Такъ, г. Масловскій, указывая на неудобство выдвигать конницу всего на одинъ переходъ отъ лагеря, ссылается на разказъ Болотова по поводу непріятельскаго налета на первомъ же переходѣ у Столупянъ 240); только Болотовъ сохранилъ извѣстіе о подвигѣ калмыковъ, прогнавшихъ прусскихъ гусаръ (стр. 265); ему же обязаны мы свѣдѣніями, что въ ночь предъ Гроссъ-Эгердорфскимъ боемъ „солдатъ всѣхъ вывели во фронтъ и полки всѣ въ ружьѣ ночевали" [2]). Во многихъ случаяхъ, свѣдѣнія, сообщаемыя Болотовымъ, вполнѣ совпадаютъ съ „архивными документами", указанными г. Масловскимъ (стр. 225, 227, 280); иногда же подтверждаютъ свѣдѣнія, записанныя другими лицами, но въ невѣрной формѣ, какъ, напримѣръ, о пьянствѣ обсерваціоннаго корпуса (стр. 115 прил.) г. Масловскій признаетъ „несомнѣнно справедливымъ" (стр. 198) весьма важное указаніе Болотова

---

[1]) Записки Болотова, изд. 1870, I, 520.

[2]) Ibid., I, 466, 497, 514.

на громоздкость обоза, который „генералы, командовавшіе бригадами, кляли и ругали“ [1]), на что обращалъ вниманіе и „воякиръ изъ Риги“.

Повторяемъ: мы рѣшительно недоумѣваемъ, на чемъ основалъ г. Масловскій свой весьма рѣшительный приговоръ по вопросу „о значеніи записокъ очевидцевъ вообще“. Историческая наука лишилась бы весьма важнаго матеріала, еслибъ мнѣніе г. Масловскаго имѣло какое-либо основаніе; русская же потеряла бы очень много, еслибъ установился взглядъ г. Масловскаго на записки Болотова. Развѣ можно ставить въ вину Болотову, что издатель его записокъ увлекся личностью автора (стр. 35 прил.), что для г. Ѳеоктистова „даже и слова Болотова имѣютъ цѣну факта“ (стр. 41 прил.), или что Пекарскій и Соловьевъ принимали безъ провѣрки свидѣтельство очевидца Болотова“ (стр. 2) и т. п.? Намъ казалось бы, однако, что уже этихъ трехъ именъ было достаточно, чтобы предостеречь г. Масловскаго относительно его приговора о запискахъ Болотова. Что же касается мнѣнія г. Масловскаго о значеніи записокъ „очевидцевъ“ вообще, то оно не выдерживаетъ ни малѣйшей критики и является плодомъ незнакомства автора съ этого рода источниками.

Мы, напротивъ, должны высказать сожалѣніе, что г. Масловскому не были доступны всѣ брошюры, составленныя „очевидцами“ апраксинскаго похода. Ихъ не такъ много, и почти всѣ онѣ находятся въ богатомъ собраніи Rossica Императорской Публичной Библіотеки. Трудъ г. Масловскаго получилъ бы значительно бо́льшую полноту, еслибъ у него, напримѣръ, были подъ руками показанія генерала кригскоммиссара Веймарна [2]), лица, близкаго Апраксину, „очевидца“, игравшаго выдающуюся роль во время перваго похода русскихъ войскъ въ Пруссію. Кромѣ упомянутыхъ уже нами „Merkwürdigkeiten und Anekdoten“, для апраксинскаго похода можно найдти интересныя подробности въ брошюрѣ Риччи-Заннони, въ которой авторъ обращаетъ особенное вниманіе на „союзниковъ русскихъ“ [3]), въ „сообщеніи виноторговца изъ русскаго лагеря“ [4]), весьма оригинальномъ по от-

---

[1]) Записки Болотова, I, 426.

[2]) *Weymarn.* Ueber den ersten Feldzug des russischen Kriegsheeres gegen die Preussen in Jahr 1757. Rigo. 1794 (*Hupel.* Neue nordische Miscelaneen).

[3]) *Ricci-Zannoni.* Kurze Vorstellung der gegenwärtigen Kriegsbegebenheiten in Deutschland. Nürnberg. 1758.

[4]) Aufgefangener Bericht eines Weinhandlers aus dem russischen Lager an seinen Compagnon in Grodno. Cracau. 1758.

зыву о русскихъ войскахъ; въ „выдержкѣ изъ письма изъ лагеря при Велау“ [1]) любопытны взгляды непріятеля на движеніе русскихъ войскъ; много свѣдѣній, чисто военныхъ, находятся въ „Извлеченіи изъ письма изъ главной квартиры Тильзе“ [2]); очень интересный планъ гроссъ-эгердорфскаго боя приложенъ къ „Разговору въ царствѣ мертвыхъ между графомъ Шверинымъ и княземъ Пикколомини“ [3]). Почти всѣ важнѣйшія событія Семилѣтней войны — бомбардированіе Кюстрина, бой при Цорндорфѣ и подъ Куннерсдорфомъ, движеніе къ Кольбергу, занятіе Берлина — вызывали рядъ брошюръ на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ разсѣяно много извѣстій, заслуживающихъ вниманіе русскаго историка. Какимъ образомъ, напримѣръ, описывая кампанію 1759 года, умолчать о „Журналѣ дѣйствій русско-императорской арміи въ 1759 году“ [4]), выходившемъ ежемѣсячно въ Регенсбургѣ?

Основывая свой трудъ на матеріалахъ еще не изданныхъ, покоящихся въ архивахъ, г. Масловскій, какъ мы уже упоминали, почти не пользуется „пособіями“. Изъ богатой по этому вопросу нѣмецкой литературы онъ пользуется только трудомъ Газенкампфа [5]), дѣйствительно, кажется, лучшимъ изъ спеціальныхъ работъ по исторіи Семилѣтней войны; изъ русскихъ—ни однимъ. То и другое представляется намъ крайностью.

Слова нѣтъ, участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ представляется нѣмецкими писателями въ такихъ краскахъ, что г. Масловскому пришлось бы тратить много труда на одни опроверженія. Но эти опро-

---

[1]) Auszug eines Schreibens aus dem Lager bey Wehlau vom 22 August 1757. Königsberg. 1757.

[2]) Extract eines Schreibens aus dem Haupt—Quartier Tilse den 3 Oktober 1757. S. l. 1757.

[3]) Gespräche im Reiche der Todten zwischen dem Grafen von Schwerin und dem Fürsten von Piccolomini. Leipzig. 1757. Такихъ „разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ“ вышла цѣлая серія во время семилѣтней войны. См. Catalogue des Russica, I, 454.

[4]) Journal von der russisch-kaiserlichen Armee auf das Jahr 1759. Dieses Journal und die Fortsetzung davon wird zu Regensburg im monatlichen Buchladen ausgegeben. Всего вышло семь нумеровъ, съ 1-го апрѣля по 13-е августа 1759 г.

[5]) *Hasenkampf.* Ostpreussen unter dem Doppelaar. Königsberg. 1866. Въ книгѣ г. Масловскаго онъ передѣланъ почему-то въ *Газенкампса* (232, 239, 274, 276, 280, 286 и т. д.). Вообще, прискорбно встрѣчать въ такомъ почтенномъ трудѣ *вестерминстерскій* трактатъ (115, 129, 130 etc.), *компроментировать* (218). *Егерсдорфъ* (266, 267, 268, 272, 275 и т. д.) и др.

вержепія, или, по крайней мѣрѣ, разъясненія, иногда крайне необходимы и нерѣдко почти не возможны безъ содѣйствія спеціальнаго изслѣдователя. Конечно, встрѣчая, напримѣръ, въ трудѣ Ранке увѣреніе, будто ненависть въ Россіи къ Фридриху II была такъ велика, что указъ о рекрутскомъ наборѣ 1747 г. былъ именно мотивированъ „опасностью для Русскаго государства отъ возростанія военнаго могущества Прусскаго короля“ [1]), то, не смотря даже на точнѣйшую ссылку [2]), намъ не трудно доказать, что это не болѣе какъ чистѣйшій вымыселъ [3]). Но мы совершенно безсильны относительно такихъ, напримѣръ, извѣстій, какъ разказъ Германа о томъ, будто „масса мирныхъ жителей Пруссіи, особенно фабриканты и хлѣбопашцы, съ ихъ женами и дѣтьми, были отправлены въ даль Россіи“ [4]). Такое выселеніе ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ во внутреннюю Россію не могло не оставить слѣдовъ въ военной перепискѣ того времени; г. Масловскій ничего не упоминаетъ объ этомъ, изъ чего мы не вправѣ еще заключить, что и это извѣстіе есть „чистѣйшій вымыселъ“ — самое извѣстіе Германа, какъ и его трудъ, было неизвѣстно г. Масловскому. Между тѣмъ, подобныя извѣстія необходимо опровергать при всякомъ удобномъ случаѣ: благодаря русскому добродушію, въ нѣмецкой литературѣ распространено много подобныхъ вымысловъ, чистосердечно повторяемыхъ всѣми со словъ такихъ авторитетныхъ писателей, какъ Ранке, Германъ, Зибель и др.

Русская историческая литература не представляла для г. Масловскаго ни одного пособія по военно-историческимъ вопросамъ. Онъ

---

[1]) Wie sehr diese Richtung damals in Russland verwaltete, zeigt ein Ukas, in welchem die Anordnung einer neuen Rekrutirung durch die Gefahr, welche, dem russischen Reiche aus der Kriegsmacht des Königs von Preussen erwachse, motivirt wird. *Ranke*. Der Ursprung des siebenjährigen Krieges, Sämmt. Werke, XXX, 159.

[2]) Eigenhändig bestätigter Befehl der Kaiserin Elisabeth an den dirigirenden Senat. St. Petersburg, 27 Januar 1747. *Ranke*, l. c.

[3]) Въ Полн. Собр. Зак. помѣщены слѣдующіе три именные указа отъ 27-го января 1747 года: № 9366—о наборѣ рекрутъ по новой ревизіи съ 121 души человѣка; № 9367—о сборѣ лошадей драгунскихъ съ 608 душъ, а подъемныхъ съ 2028 душъ по лошади и № 9368—о сборѣ подушныхъ денегъ по новой ревизіи. Ни въ одномъ изъ этихъ указовъ нѣтъ ни единаго слова о Пруссіи или Прусскомъ королѣ.

[4]) Eine Menge friedfertiger Einwohner von Preussen, besonders Fabrikanten und Ackerleute wurden mit Weibern und Kindern ins Ferne von Russland fortgeschleppt. *Herrmann*. Gesch. d. russ. Staats, V, 142.

могъ, правда, воспользоваться, изъ этюда Пекарскаго, перепиской Апраксина съ Левальдомъ и письмомъ генерала Сибильскаго [1]); но какъ общій характеръ и подробности военнаго дѣла, такъ объясненіе причинъ и выводы слѣдствій изъ различныхъ движеній русской арміи представлены Пекарскимъ, Семевскимъ и Соловьевымъ въ такомъ свѣтѣ, что г. Масловскій былъ вынужденъ самостоятельно воссоздать весь походъ Апраксина въ Восточную Пруссію. Для очерка же политической обстановки къ началу Семилѣтней войны г. Масловскій, по его собственному заявленію, „пользовался Исторіею Россіи проф. Соловьева, а также статьею г. Ѳеоктистова: Отношенія Россіи къ Пруссіи“ (стр. 231). Это „а также“ необходимо и сказалось на очеркѣ г. Масловскаго невыгоднымъ образомъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ для г. Масловскаго не могло быть выбора: изъ двухъ представлявшихся пособій ему слѣдовало основаться на трудѣ г. Ѳеоктистова преимущественно, если не исключительно, и вотъ почему: Соловьевъ внесъ совершенно новый взглядъ на отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны. Онъ первый указалъ, что усиліями этого царствованія „силы короля Прусскаго были сокращены“, при чемъ призналъ въ этомъ сокращеніи наисущественный интересъ Россіи, такъ какъ позже Екатерина II не встрѣтила уже въ Пруссіи препятствія для достиженія своихъ цѣлей. Это несомнѣнная заслуга Соловьева. Уже по выходѣ въ свѣтъ „Исторіи Россіи въ царствованіе Елизаветы Петровны“ были изданы чрезвычайно важные документы для исторіи Фридриха II, Маріи Терезіи и Елизаветы Петровны. Основательно ознакомившись съ „Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen“ и съ документами, сообщенными въ трудѣ Арнета „Maria Theresia und siebenjähriger Krieg“ и въ „Архивѣ князя Воронцова“, г. Ѳеоктистовъ составилъ монографію объ „Отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны“. Выдающеюся особенностію этой монографіи служитъ новая оцѣнка канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, преимущественно же его внѣшней политики. Сводя въ одно разсѣянные въ монографіи отзывы о Бестужевѣ, получается слѣдующій политическій образъ елизаветинскаго канцлера: „Бестужевъ былъ одинъ изъ немногихъ, оставшихся неизмѣнно вѣрными преданіямъ, завѣщаннымъ Петромъ Великимъ и, завѣдуя иностранною политикой при Елизаветѣ, онъ имѣлъ полное право говорить, что пре-

[1]) *Пекарскій*, стр. 322, 330.

слѣдуетъ цѣли, указанныя еще ея отцомъ. Основные принципы своей политики онъ выразилъ такимъ образомъ: „своихъ союзниковъ не покидать, а оные суть морскія державы, Англія и Голландія, которыхъ Петръ I всегда наблюдать старался; король польскій, яко курфирстъ саксонскій, королева венгерская, по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ россійскою имперіею союзъ имѣютъ; сія система — система Петра Великаго“. На сцену выступилъ, такимъ образомъ, человѣкъ съ твердыми, опредѣленными убѣжденіями, которымъ онъ и оставался постоянно вѣренъ. Требовалось много гражданскаго мужества, чтобъ упорно отстаивать ихъ, не смотря ни на какія обстоятельства; а обстоятельства бывали часто крайне неблагопріятны. Ненависть Фридриха II къ Бестужеву была безпредѣльна; но Фридрихъ какъ бы умышленно не понималъ, что если борьба съ „бѣшенымъ канцлеромъ“, cet enragé chancelier, не по силамъ даже такому искусному бойцу, какъ онъ, то Бестужевымъ должно было руководить и твердое убѣжденіе, и преданность своей странѣ, и ясное сознаніе той роли, которую она была призвана играть въ средѣ европейскихъ государствъ. Послѣ пораженія австрійцевъ подъ Прагою, онъ одинъ, въ конференціи, настоялъ предъ императрицею, чтобъ русское правительство не отступило отъ войны съ Пруссіею, даже въ томъ случаѣ, еслибъ ему одному пришлось бороться съ Прусскимъ королемъ. Бестужевъ по справедливости могъ считаться однимъ изъ наиболѣе мудрыхъ и энергическихъ представителей національной политики въ Россіи“ [1]).

Вотъ основная точка зрѣнія для „очерка политической обстановки“, отъ которой этотъ очеркъ въ трудѣ г. Масловскаго могъ только выиграть. Этотъ взглядъ на Бестужева во многомъ подтверждается и тѣми томами „Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen“ [2]), которые появились въ свѣтъ послѣ изданія монографіи г. Ѳеоктистова.

За политическую обстановку „къ началу Семилѣтней войны“ менѣе всего можетъ быть отвѣтственъ Бестужевъ-Рюминъ. Его положеніе при дворѣ и въ конференціи было въ то время крайне стѣсненное. Шуваловы, всѣ трое, и графъ Воронцовъ завладѣли положеніемъ и, не обладая ни умомъ, ни твердостью Бестужева, подчинились вліянію графа Эстергази и маркиза Лопиталя. Говорятъ

---

[1]) *Ѳеоктистовъ*, стр. 29, 31, 63, 65, 74, 172, 176.

[2]) Ср. XIII, 127, 328, 340, 547, 548.

русскій канцлеръ былъ обманутъ Прусскимъ королемъ, нанесшимъ „смертельный ударъ“ политической системѣ Бестужева заключеніемъ Вестминстерскаго договора. Но, вопервыхъ, кого же не обманывалъ Фридрихъ II? И, вовторыхъ—что̀ самое главное—Вестминстерскимъ договоромъ Фридрихъ II обманулъ болѣе всего самого себя. Этимъ договоромъ онъ лишилъ себя своего стараго союзника, Франціи, примирилъ вѣковѣчныхъ враговъ и толкнулъ Францію въ союзъ съ Австріею. Кауницъ былъ правъ, называя Вестминстерскій договоръ „un événement définitif pour le bonheur de la maison d'Autriche“. То, что̀ составляло „счастіе“ для Австріи, могло быть только гибелью для Пруссіи. Нѣмецкіе историки смотрятъ на вестминстерскій договоръ глазами Фридриха II; мы повторяемъ слова нѣмецкихъ историковъ. Это большая ошибка. Вестминстерскимъ договоромъ Фридрихъ II сыгралъ въ руку враговъ своихъ и, прежде всего, Бестужева-Рюмина. Личные враги Бестужева не хотѣли и, быть можетъ, не могли понять этого. Еще не окончилась Семилѣтняя война, какъ Фридрихъ II, по его же собственнымъ словамъ, былъ уже на краю гибели:

„C'est à vous, chers amis, que mon coeur se découvre —
Vous voyez sous nos pas l'abyme qui s'entr'ouvre“.

Этотъ „Discours de l'empereur Othon après la perte de la bataille de Bédriac“ [1]) былъ написанъ 20-го ноября 1761 года. Еще недѣля, и Фридрихъ II, сознавая, что „nos malheurs sont au comble“, помышляетъ о самоубійствѣ:

„Quand on voit sa patrie et ses amis périr
Un lache y peut survivre, un héros doit mourir“ [2]).

Вестминстерскій договоръ погубилъ Прусскаго короля; Фридриха II спасла смерть Елизаветы Петровны или, вѣрнѣе сказать, вступленіе на русскій престолъ Петра III.

Винить ли Бестужева за „безкорыстіе“ дорого стоившихъ Россіи кампаній Семилѣтней войны? Въ современныхъ депешахъ сохранились указанія, что именно Бестужевъ былъ единственнымъ государственнымъ человѣкомъ, сознававшимъ нелѣпость подобнаго „политическаго безкорыстія“—онъ одинъ требовалъ уступки Курляндіи и Семигаліи въ пользу Россіи [3]); но въ этомъ отношеніи ему приходилось вести

[1]) Oeuvres posthumes de Fréderic II, Berlin, 1788, VIII, 26.

[2]) Discours de Caton d'Utique à ses amis avant de se tuer. Ibid., 32.

[3]) *Arneth*, V, 67.

борьбу съ самою Елизаветой Петровной, твердившею всѣмъ, кто только желалъ слушать, что она „не ищетъ никакихъ пріобрѣтеній“. Только Бестужевъ могъ и умѣлъ сдерживать императрицу, женщину нервную, отъ излишней уступчивости ея союзникамъ; когда Бестужевъ былъ уже въ ссылкѣ, никѣмъ не сдерживаемая Елизавета Петровна, опасаясь „поссориться на дѣлежѣ“, находитъ, что всякое настойчивое требованіе со стороны Россіи „далеко отъ нѣжности нашихъ сентиментовъ“, и въ концѣ концовъ, соглашается „пожертвовать нашими правами на завоеванную нами Восточную Пруссію, если это можетъ улучшить мирныя условія для союзниковъ нашихъ“ [1]).

Наша оцѣнка почтеннаго труда г. Масловскаго была бы не полна, еслибъ мы умолчали о тѣхъ произведенныхъ авторомъ изысканіяхъ по спеціальнымъ вопросамъ, которыя скрыты подъ общимъ заглавіемъ „примѣчаній“ и которыя сами по себѣ составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ военную науку. Именно „скрыты“, и нуженъ извѣстный навыкъ, чтобъ найдти то, чего ищешь. Такъ, изслѣдованіе о конницѣ, весьма важное по новымъ архивнымъ матеріаламъ, которыми пользовался авторъ, помѣщено въ четырехъ примѣчаніяхъ: законы по воинской повинности (стр. 93), реорганизація конницы (стр. 118), устройство русской конницы въ Семилѣтнюю войну (стр. 132) и строевой уставъ конницы (стр. 146). Мы, конечно, должны признать себя вполнѣ некомпетентными для оцѣнки подобныхъ спеціальныхъ вопросовъ; но люди военные найдутъ, вѣроятно, много новаго въ изысканіяхъ объ обсерваціонномъ корпусѣ графа П. И. Шувалова (стр. 104), объ организаціи ландмилиціи (стр. 216) и арміи въ мирное время (стр. 98); изслѣдованіе же объ учрежденіи школъ для солдатскихъ дѣтей (стр. 212) прочтется съ интересомъ и не спеціалистами. Въ виду многихъ новыхъ фактовъ, сообщаемыхъ г. Масловскимъ въ этихъ спеціальныхъ изысканіяхъ, намъ казалась бы излишнею статья о дѣйствіи „нерегулярныхъ“ войскъ (стр. 181), составленная преимущественно по „Военной исторіи походовъ россіянъ въ XVIII вѣкѣ“ Бутурлина.

Кромѣ спеціальныхъ изысканій, въ примѣчаніяхъ разсѣяно много „архивныхъ документовъ“, въ обнародованіи которыхъ мы склонны видѣть главную заслугу автора, способную стяжать ему почетное положеніе въ наукѣ. Здѣсь, между прочимъ, помѣщенъ указъ Петра I военной коллегіи отъ 1-го января 1719 года (стр. 222) о производ-

---

[1]) *Соловьевъ*, XXIV, 272, 273, 375.

ствѣ офицеровъ и пункты генералъ-аншефа Фермора съ резолюціей императрицы (стр. 203). Оба эти документа помѣщены цѣликомъ, то-есть, именно такъ, какъ слѣдуетъ печатать документы. Всѣ остальные документы — инструкціи Зоричу (стр. 129) и Сибильскому (стр. 140), проектъ графа Шувалова о форпостахъ (стр. 127), рапортъ Я. Сиверса о рекогносцировкѣ (стр. 237), приказъ при паролѣ 18-го августа 1757 года (стр. 252), военно-топографическая записка Демолина (стр. 233) и др.—въ извлеченіи.

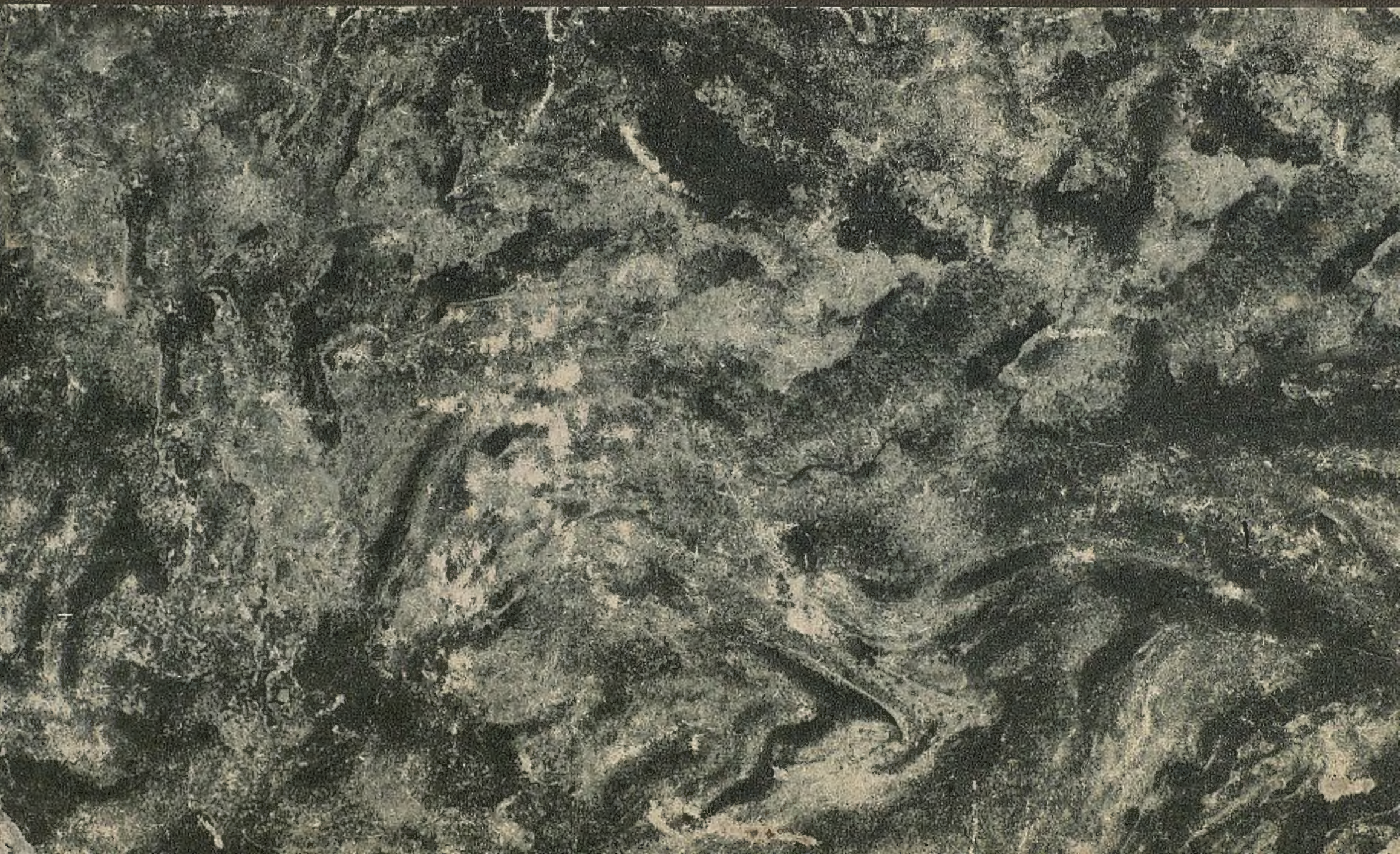
Полагаемъ, что трудъ г. Масловскаго могъ бы только выиграть, еслибы въ немъ было принято обычное въ подобныхъ произведеніяхъ распредѣленіе матеріала, именно: примѣчанія должны состоять только изъ указаній, ссылокъ, объясненій; документы же должны печататься цѣликомъ и отдѣльно, какъ pièces justificatives, равнымъ образомъ какъ и спеціальныя изысканія должны составить особый отдѣлъ приложеній, въ родѣ Excursen. Это значительно облегчило бы читателя, который теперь встрѣчаетъ извлеченія изъ документовъ то въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ, при чемъ иногда, какъ мы указывали, лишенъ возможности прочесть весь документъ и долженъ предполагать, что изъ него извлечено все, что̀ слѣдовало извлечь, не опущено ничего, заслуживавшаго вниманія.

Два слова о внѣшности изданія. Русская историческая литература обогатилась въ послѣднее время тремя произведеніями по исторіи XVIII столѣтія и всѣ три принадлежатъ людямъ, съ честью промѣнявшимъ саблю на перо. Послѣ прекраснаго изданія „Пугачевъ и его сообщники“ г. Дубровина и великолѣпнаго, почти édition de luxe, „Генералиссимусъ князь Суворовъ“ г. Петрушевскаго, появилось черезъ-чуръ скромное изданіе „Русской арміи въ Семилѣтнюю войну“ г. Масловскаго. Оно исполнено такъ, что нарушаетъ самыя элементарныя условія типографскаго искусства. Довольно сказать, что и для текста, и для примѣчаній употребленъ одинъ и тотъ же шрифтъ, и притомъ отдѣлить одно примѣчаніе отъ другаго не легко (см. напримѣръ, на стр. 283).

Мы старались разсмотрѣть возможно подробно первый выпускъ труда г. Масловскаго: указать его значеніе для науки русской исторіи, отмѣтить новые факты, установленные авторомъ, не скрыть недосмотровъ и ошибокъ, перечислить даже описки. Эта подробная оцѣнка должна служить выраженіемъ нашего глубокаго уваженія къ серьезному труду, предпринятому г. Масловскимъ. Ожидаемъ съ большимъ интересомъ послѣдующихъ выпусковъ и сердечно желаемъ увидѣть

окончаніе всего сочиненія. Судя по первому выпуску, мы въ правѣ ожидать, что въ послѣдующихъ авторъ также точно прольетъ новый свѣтъ на многіе темные еще эпизоды въ исторіи участія русской арміи въ Семилѣтней войнѣ, какъ, напримѣръ, на вопросъ объ измѣнѣ Тотлебена и др.

В. Бильбасовъ.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, январь 1887 г.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., д. 78.